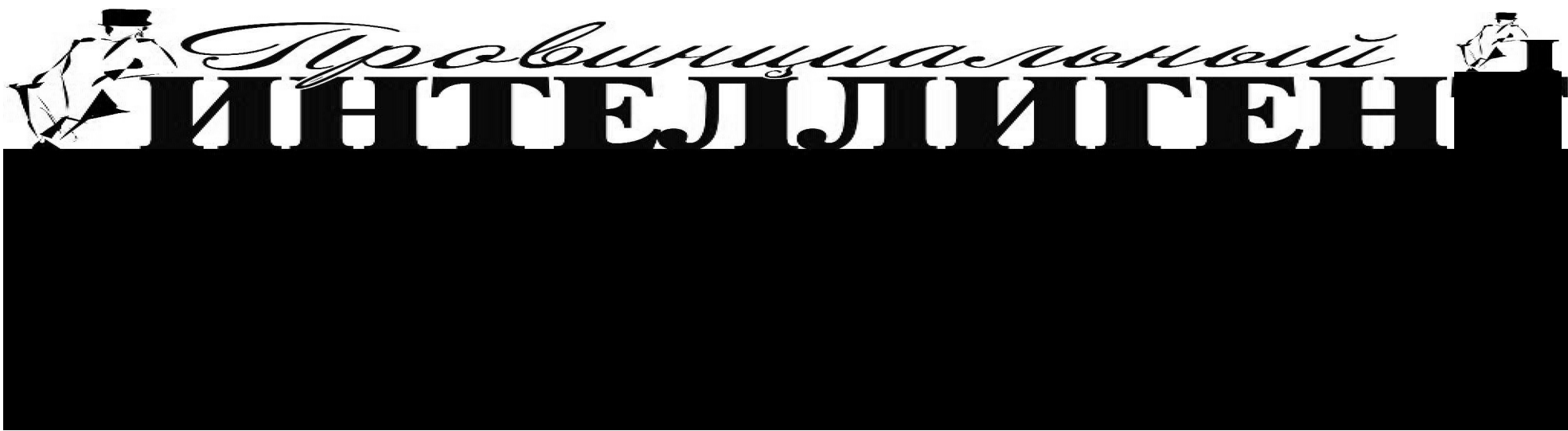

Международная литературно-публицистическая газета. №3 (20), март 2011 г. www.gazeta-pi.ru

Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты.

Уважаемые авторы художественных произведений, стихов и прозы. Если вы хотите, чтобы ваши работы были опубликованы в иностранных изданиях, обращайтесь в редакцию «ПИ 1»

Анатолий ИВАНОВ

Посвящение женщинам

Цветы и дети — жизни красота,
А женщины — подарок в ней бесценный.
И перед вами, преклонив колени,
Мы говорим, и не молчат уста!

Слова любви вам снова говорим,
Пусть тышу лет они до нас звучали.
Мы любим вас, мы вас боготворим.
Не Слово — Женщина была вначале!

Цветок полей, сверкающий алмаз —
Всему мы в этом мире знаем цену.
И все же ничего бесценней вас
Мы не найдем во всей большой Вселенной.

В сердцах у нас одни лишь вы царите.
Так властвуйте же нами вновь и вновь,
И каждый час, и каждый миг дарите
И Веру, и Надежду, и Любовь!

Марина Бродская

ПОЗДРАВЛЯЮ всех МУЖЧИН с наступающим 8 МАРТА !

Господа! Вам крупно повезло в жизненной лотерее!!
Поначалу,вроде бы,складывалось не в вашу пользу.
Вы лишились одного ребра...
Но оказалось, не велика потеря...
Зато,ЧТО вы получили взамен? ЖЕНЩИНУ...
Женщина - это многорукая ШИВА, которая
успевает своими руками вас накормить, обстирать
и вынянчить вам потомство.
Она - ГАРЕМ, дающий вам наслаждение
и превращает ночь для вас в сказки Шехерезады.
Она - ваш “САНЧО”, когда вы впустую воюете
с мельницами...
Она - ваш МУДРЕЦ, который направляет вас
на путь истинный...
Она - оазис в пустыне, когда, заблудившись,
вы ищите спасения...
Она - ваша пристань, дающая вам возможность
остаться в живых во время жизненного шторма...
Она- ВАША, она принадлежит вам!
Она счастлива быть “ВАШЕЙ”...
при одном условии :
ЛЮБИТЕ ЕЕ...

Переключька стихами

Петр Орлов
г. Кривой Рог, Украина

Мир,построенный мной,
Среди жизни чужой и далекой,
Хрупкий замок мечты,
Островочек несбыточных грез,
Я однажды разбил,
Когда вышли последние строки,
И рванул наугад,
Как сорвавшийся с привязи пес
И, скитаясь во тьме,
Я не ведал, куда мне деваться -
Просто шел напрямик,
Потому что иначе не мог.
Я попробовал все,
А мне было всего только двадцать.
Я попробовал все,
Твердо выучив каждый урок.

Отклик Анны Власенко
г.Костомукша, Россия

Мы всюду ищем, но найти не можем
В нашей жизни пустой
Этот тайный, загадочный смысл.
Нас тихим кличем журавли тревожат.
Мы живем суетой.
Мы в плену бытовой кутерьмой
Сбежим снова от своей рутины,
В даль запретную ту,
Где никто нас не хочет встречать.
Ветра сурово гроздьями рябины
Так колышут в саду.
Дождь начнет по окошkam стучать.
И возвратимся мы опять к истокам.
Позабудем о том.
Как блуждали в туманной дали.
И мы сроднимся с грустью той глубокой,
И хрустальной мечтой
Будем жить, что нам счастье сулит.

Петр Орлов

Непритязательность - богатство мудреца.
Коль ты доволен, много не имея,
Печаль и грусть уходят с твоего лица.
И на душе становится теплее.

Жизнь неизвестного, простого бедняка
Прекрасна, если в сердце нет амбиций.
За все будь благодарен. И наверняка
Ничто с твоим блаженством не сравнится.

Отклик Анны Власенко

Всегда желаем больше, чем имеем.
Томит нас безрассудная тоска.
Сокровища души отдать жалеем.
Скудна наша дающая рука.
И копим алчно серебро и злато.
Трясемся над набитою мошной.
Но нищий, что в прорехах и заплатах,
Богаче нас стократно все равно.

Петр Орлов

Все, что было в прошлом наилучшего,
Нынче обернулось настоящим.
И играет музыку грядущего
Золотыми струнами звенящими.

Отклик Анны Власенко

Наше прошлое кануло в Лету,
Прямо в Реку Забвенья, на дно.
Пролетело и смыло волной.
Мы забыли все черные даты.
Помним только счастливые дни.
Когда пели весной серенады
Соловьи у черемух в тени.
Улыбалась всем бедам назло я.
Голосили ветра мне вослед.
И пылало в душе все бывшее
Будто искры в кипящей золе.

Уголок Стилиста

Урок №2

Начнем с повторения. Примеры взяты из последних номеров нашей газеты.

Понимаю, что ни с первого, ни со второго раза уроки хорошего стиля не усвоишь. А кому-то, извините, господа авторы, вообще не получится постичь метрику стиха. Для этого надо слышать внутренний ритм строки, чередование ударений, своеобразный отбив неслышимой барабанной дробью.

Пример 1. Вниз склоняя лоб манером рабым,
Хотя в жизни нрав её неистов,
Имеющий уши да услышит, что в слове «хотя» ударение должно стоять на первом слоге – хОтя, ну, например, будто в жизни... и т.д.

Пример 2. В твоих чёрных глазах я увидел огни перемен.

В словах «в твоих» ударение отчетливо напрашивается на 1-й слог – в твОих.

Больше всего именно таких неправильностей я встречал в текстах песен бардов.

Казалось бы, у музыканта врожденный слух, звуковая фальшь должна резать им ухо.

Но возможность сыграть голосом скрадывает требуемый шаг строки, остальное, мне кажется, - это небрежность, нежелание потрудиться над культурой стиха.

Почему этого никогда нет у Твардовского? У Маршака? У многих детских поэтов?

Я привожу примеры звонких авторов, которые не могут себе позволить недоработок.

Вслушайтесь в знакомую всем строчку Агнии Барто: «Что болтушка Лида, мол, Это Вовка выдумал»... Игра слов, замечательная рифма и ни одного скрежещущего звука.

Похоже, к метрике придется нам возвращаться еще не раз. Дело в том, что силлабика русского стиха построена на строгом чередовании ударных и безударных стоп. Вспомним то, что мы учили в школе, на уроках литературы: ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест. Кому трудно уловить ритмику на слух, не поленились, нарисуйте строку сочиненного вами стиха стопами: вогнутая черта - ударная, одна, две прямых черт - безударные...

Ударные, безударные. Даже верлибр, свободный стих, подпадает под это правило.

Он свободен только от рифм.

Вообще-то я хотел посвятить этот урок другой частой ошибке. И тоже звуковой.

То, что могут не замечать прозаики, непростительно для поэтов.

В русском языке есть много слов, в которых стыкуются два-три согласных звука.

И свойство их таково, что так и хочется втиснуть гласную. Театр – просится театр, жизнь – жизнь, смысл – смысл, корабль – корабель, ритм - ритм. И т.д.

Поищите – каждый найдет немало подобных слов. Но беда в том, что кажущийся гласный невольно переносится внутрь слова, и появляется стихотворная строка, в которой недостает слога, он замещен подразумеваемым звуком или нарочитой растянутостью строки.

Хорошо японцам – в японском языке стык согласных не допускается!

Коснусь еще одной распространенной ошибки. Есть пара слов встал – стал.

Поэтому встречаются недопустимые выражения: встал на колени, встал на углу под часами.

Пристально читайте тексты, вам наверняка попадутся искажения.

Дело в том, что это два разных слова. Встать, то есть восстать – значит, подняться.

То есть это слово непременно связано с подъемом. Поэтому встать с колен, то есть подняться с колен – можно. А встать на колени – это ведь не подъем, а наоборот, спуск.

Поэтому так написать нельзя.

А вот слово стать относится к ряду «стоять». Поэтому стал в сторонку, стал столбом, становище (а не встановище!). Есть, кстати характерное русское слово ледостав.

То есть остановившийся лед. Его уж точно ни с какой иной формой не перепутаешь.

До новых встреч, дорогие читатели. Пойду выискивать ошибки и неточности.

Феликс ДЫМОВ,
представитель «ПИ 1»
в городе Санкт – Петербурге.

Хоменка

Эта история произошла в отделе научно-исследовательского института. Какого института, спросите вы? Отвечу: того самого, в котором работала вахтерша Михаловна, описанная в рассказе «Андропов». Для пушего suspense установим временные рамки: случилась наша история в тот период в истории Советской Украины, когда журнал «Экономика Советской Украины» выходил на украинском языке. Совсем недолго, год или два, а так все на русском печатали. Так вот, со статьи в этом журнале все и началось.

* * *

Мона работала в отделе пятый год, к ней еще не привыкли, поскольку была она человеком пришлым из Сибири и малопонятным. А понять ее сотрудникам очень хотелось, то есть так хотелось, что поначалу ей даже домой звонили анонимно, не представляясь, и спрашивали бабушку Бебу, живет ли некая Мона по такому-то адресу.

– А вам какое дело, – отвечала бабушка, – вы кто такие? – И анонимы молча бросали трубку. Как-то Мона застала сотрудников на интересном месте: парторг отдела горячо о чем-то говорила, произнося ее имя, остальные слушали затаив дыхание.

– Чего-то это вы меня поминаете всуе? – спросила Мона, проходя к своему столу.

– А вот интересуемся, откуда у тебя такой нос с горбинкой, уж не грузинский ли? – ответила парторг.

– У меня отец русский, а мама еврейка, вот и нос, – равнодушно сказала Мона.

Ее вся эта суета мало беспокоила, гораздо меньше, чем минимальная зарплата, которую ей платили. Вот зарплату хотелось бы повысить, тем более что Мона уже давно вела тематику на заводах самостоятельно, подписывала акты на внедрение и регулярно приносила в отдел хорошие деньги. С интервалом в полгода она записывалась на прием к начальнику отдела, входила в кабинет, садилась на стул и перечисляла свои заслуги за отчетный период. Начальник выслушивал, удивляясь напористому нахальству молодой сотрудницы, и обещал посмотреть, что можно сделать. Изредка за приемом следовало повышение зарплаты, не более чем на десять рублей в месяц.

– Они дальше десяти считать не умеют, – смеялась бабушка Беба.

Работа Мону тем не менее устраивала, так как неожиданно выявившаяся способность самостоятельно вести тематику и последовавшие за этим поездки на заводы давали ей хотя и ограниченную, но свободу.

Она ехала с утра на завод, выходила из автобуса на остановке в заводском поселке, шла по аккуратному железному мосту через речку, потом по асфальтированной дорожке, вилеющей среди желтых купин бессмертника, подходила к заводскому забору, открывала маленькую ржавую калитку, никогда не запертую, шла через безлюдный склад черного металлопроката в завод. Говорили, что на этой дорожке среди бессмертника случались нападения на прохожих, и ей не советовали там ходить. Но в объезд, через город, получалось очень долго; Моне было жаль сокращать время свободы, и она продолжала бесечно ходить через речку, попутно собирая букеты пользительного бессмертника.

Не волнуйтесь, ничего с ней, кроме хорошего, не случилось на этой дорожке. К хорошему следует отнести, помимо букетов, вкусный хлеб в деревенской пекарне возле моста и свидания с Миланом: они встречались на дорожке после полудня и шли на речку купаться, ходить по плоским камням, загорать на зеленой лужайке.

Она работала полдня в отделах, или собирала статистику в цехах, а потом уходила по своим делам, которыми Мона ни с кем особенно не делилась. Заводские люди, простые и старомодно любезные, ей нравились, и она им, видимо, тоже; работа шла.

Когда же это все-таки было, думает посвященный читатель? Вот вам, помимо журнала, еще одна подсказка.

Мона работала в отделе главного механика завода, собирала статистику ремонтов. В углу привычно болтало радио, никто его особенно и не слушал.

– Израильские агрессоры напали на прогрессивных арабов, уничтожена установка реактивного огня, – негодовала дикторша.

Инженер-механик Борис Моисеевич Миркин достал из стола пачку сигарет и спички и пошел на улицу, покурить.

– Станислав Михайлович, вам не кажется, что Борис Моисеевич поддерживает Израиль? – озабочилась техник Людмила Петровна, пухленькая крашенная блондинка.

Главный механик Станислав Михайлович, здоровенный мужчина лет сорока, посмотрел в окно, вздохнул и ответил:

– Нет, Людмила Петровна, мне не кажется, что Борис Моисеевич поддерживает Израиль. Что у вас с отчетом? Сосредоточьтесь на отчете, его еще вчера надо было закончить.

Как теперь с датировкой? Остается вспомнить, когда в восьмидесятые годы «над

арабской мирной хатой гордо реял жид порхатый», и дата установлена.

Однако вернемся к нашей истории. На сцену выходит Хоменка!

У нее, конечно, было имя, помимо фамилии, но за прошествием лет оно благополучно забылось. Да и зачем оно нам?

Хоменка была молодой женщиной спортивного телосложения, с низковисящим плоским задом, подпертым бутылочками кривоватых ног; прямые темные волосы; круглолица, черноброва, нрава затаенно, злобного. Мона с ней почти не сталкивалась по работе, но в те редкие случаи, когда ей приходилось к Хоменке обращаться, та отвечала на украинском языке, чем Мону несколько затрудняла. Более на украинском в отделе никто не говорил, хотя украинцев было много. Просто в восточной Украине языком общения тогда был русский, да и Мона, если вы помните, приехала из Сибири, никогда в украинской школе не училась и языка, конечно же, не знала. Затруднялась она, однако, не слишком; языки ведь очень близки, на единой славянской основе, и кто захочет, тот поймет. Хочет Хоменка говорить на украинском, ее право, полагала Мона. Она слышала, как Хоменка говорила с другими сотрудниками на прекрасном русском языке, но об этом не задумывалась. На мове, так на мове!

Как-то Моне понадобилось точно перевести статью из «Экономики Советской Украины», как раз из номера, изданного на украинском языке. Содержание в целом ей было понятно, но хотелось уточнить отдельные обороты речи. Она пошла по отделу, от одного официального украинца до другого; оказалось, никто не способен сделать осмысленный перевод. Несли какую-то совершенную чушь. Так Мона дошла до Хоменки.

– Зачем тебе? – спросила Хоменка.

– Для моей работы, – ответила Мона. – Автор мой возможный оппонент, мне надо правильно оценить его позицию.

– Не буду переводить, – сказала Хоменка.

– И читать не буду. У меня времени нет. Сама переводи, если такая умная; пошла отсюда!

Мона посмотрела Хоменке в глаза и не увидела дна: там были бездонные черные дыры крымских степных колодез; мужик в армейских сапогах с лицом Хоменки заглядывает в колодез, разжимает руки, и кто-то маленький живой летит вниз.

Мона могла бы пойти отсюда к начальнику отдела, и Хоменка бы никуда не делась, поскольку проект был в плане отдела, но она повернулась и ушла. Обойдемся без носителей языка, решила она, сама как-нибудь соображу. А Хоменка меня, кажется, ненавидит? И за что? Я с ней за пять лет пяти слов не сказала, не было необходимости. Да ладно, пусть живет.

* * *

Сегодня в отделе очередная коллективная пьянка, и женщины резали винегрет. Сидели вокруг таза, закатав рукава повыше, и резали вареные картошку, морковь, свеклу, соленые огурцы и сырой репчатый лук. Мелькали ножи в руках, женщины возбужденно болтали, смеялись в предвкушении совместного ужина, выпивки и танцев с отделовскими мужчинами. Какие-никакие кавалеры, а все-таки не свои мужья, надоевшие, как бы бесполье. Нарезанные овощи сыпались в таз, смех становился все мягче, все серебристей.

Напротив Моны, через таз, сидела Хоменка, чего-то говорила, улыбалась сонно. Мона помнила, что Хоменка ее не любит, но это было как-бы неважно, да и народ кругом. Она шутила, что-то рассказывала, женщины смеялись, и вдруг Хоменка перегнулась через таз и полоснула Мону коротким кривым ножом по правой руке.

Все замерло вокруг, как в старом кино, на руке раскрылась длинная рваная рана, и выступила кровь красной полосой. Мона держала руку на весу, сжимая нож, смотрела на Хоменку, не могла отвести глаз: на круглом лице Наталки Полтавки было написано наслаждение и покой, долгожданный, наконец-то достигнутый, желанный покой. Рот ее приоткрылся, губы налились и потемнели, глаза засияли звездами в темных глазницах, волосы заблестели как смазанные маслом. Хоменка смотрела на кровь; облизала губы розовым языком, подняла глаза на Мону и улыбнулась с облегчением.

Общий шок закончился через секунду. Все вскочили, подхватили Мону под руки, отвели к другому столу, кто-то принес аптечку. Стали вытирать кровь бинтом и выяснилось, что на самом деле рана получилась небольшая, скорее глубокая царапина, а не рана, и вены не задеты. Повезло Моне. Рану перебинтовали, и Мона присоединилась к общему веселью. Она сидела за общим столом, что-то ела, немного выпила; не танцевала, рука болела все сильнее. Вскоре она уехала домой.

Вечер продолжался; винегрет стоял на столе, и Хоменка сидела вместе со всеми, с ней чокались стопками с самогонкой и дешевым красным вином. Иногда кто-то спрашивал: что там случилось? Хоменка порезала Мону? Ножом? Ах, нечаянно, конечно, нечаянно, она не хотела, просто так получилось! Резала овощи и рука соскочила! Так они рядом сидели? Да нет вроде, ну не знаю! Ах, неважно, давайте танцевать!

Нина БОЛЬШАКОВА
СССР

Христина Панджаридис

Родилась 12.04.1963 в г. Елин Пелин, Болгария.

В 1991 году окончила факультет журналистики и массовых коммуникаций в Софийском университете по специальности в области радио-журналистики у профессора Снежаны Поповой.

Пять лет работала в качестве редактора муниципального журнала города Елин Пелин. Обладательница третьего места в национальном конкурсе журнала «Болгарский журналист», тема: «Я и моя профессия»

Пишет стихи и рассказы со школьного возраста. Публиковалась в газете Srednoshkolsko флага «и» Родной речи Студенческая Стенд «ABC», «Пульс», «Мы, женщины» журналов «Белла», «Женщины Сегодня», электронный журнал общественной Республики, Газета Литературная газета, журналы «Знаки» и «Балкан». В августе 2010 года выиграла второй приз за юмористический рассказ на конкурс в Хасково Капу 2010 года.

Живет во Франции, недалеко от Страсбурга.

Будущее время в настоящем

В прошлое воскресенье организовали базар, но не совсем обычный. Назвали этот базар «опорожнение чердака». Я вспомнила, что когда-то в окрестностях Софии по субботам проходило что-то подобное, но называлось оно «барахолка». Люди предлагали вещи, которые им уже не нужны. Не потому, что пришли в негодность, а потому что вещь надоела, хозяин из нее вырос или просто захотел заменить. Считалось, что цены настолько хорошие, что стоит отказаться от удовольствия долго валяться в постели.

Например, мой сосед с верхнего этажа – рыжий мальчик, обсыпанный веснушками, рассказал мне, что на подобном сборище купил себе велосипед самой крутой марки „Кинаст“. Когда он упомянул сумму, я не поверила. Он пригласил меня на чашку кофе в свою студию и с гордостью показал мне расписку, которую попросил у продавца. Я не упала только потому, что он предусмотрительно усадил меня в единственное кресло.

Я тоже отправилась искать себе велосипед. Еще присматривала и подставку для цветов, а то они легко у меня заводятся. А на подоконниках уже не было места. Хоть бронировуй, хоть взятку давай, места все равно не было.

Барахолка находилась в двух шагах от нашего дома. Правда, у меня шаги большие, но это действительно недалеко! Занимал рынок уже заброшенную индустриальную зону города. Муниципалитет превратил это место в парк для экзотических растений. Экзотика на самом деле скрывалась в загрязненной почве, поэтому растения и приобретали странные формы и цвета.

Остановилась у одного прилавка. На нем стояли пакеты с собачьим кормом и банки консервов. Срок годности у одних истекал сегодня, у других – завтра. Продавец готов был отдать их почти без денег. Моя собака убежала, поняв, что я пренебрегала ею и не проявляла никакого интереса к собачьим вкусностям. Я вытаращила глаза потому, что увидела, что на прогибающемся прилавке сидит, выпячив грудь, крупный черно-белый сенбернар с этикеткой. Тоже продавался. Собака заявила своему хозяину, что больше не будет подчиняться его приказам, а даже наоборот – распоряжения будет давать она. Даже стукнула задней правой лапой в подтверждении тому, что ее слова чистая правда, что это не слуховая галлюцинация. Возмущенный и покрасневший хозяин собаки продавал ее за бесценок – за 2500 евро.

Через сто шагов я опять пришла в обморочное состояние. На накрытом красным, выцветшим от многочисленных стирок покрывалом, лотке, рядом с кастрюлями и использованными сковородами, сидела женщина. Ее синее платье выглядело так же как и покрывало. Видно, в ее доме любили выцветшие вещи и стирку. Рот женщины был заклеен липкой лентой. Ее глаза

не выдавали своего цвета. Она смотрела вниз, а продавец не давал информации без задатка. Не хотела она, видите ли, больше готовить, двадцать пять лет готовила еду три раза в день, даже во время каникул, но два дня назад сказала: «Хватит, у меня болят руки. Готовь ты несколько дней вместо меня!» Ее жалобу услышали, и вот она здесь... Все равно было непонятно, кто потратится на существо женского пола, не желающего готовить. Многие стояли вокруг и рассматривали товар. Щупали платье, глядишь кому-нибудь пришла бы в голову мысль купить ей менее выцветшее платье.

Только начала дышать ровно и опять новое потрясение. Прямо на земле, на старом покрывале с бахромой, были разложены деревянные лошадка, бледно-коричневый медвежонок без левого уха, мячики, шахматы, ведерки и лопатки разных цветов и размеров. Рядом с медвежонком, свернувшись калачиком, сидел ребенок. Без обуви. Мальчик. Мать и отец перекрикивали друг друга, объясняя какой у них ребенок хороший: молчаливый, помогает, в магазин за продуктами ходит, кроликов во дворе кормит. Но то, что он все время молчит, нервировало их. В школе разговаривал, получал хорошие оценки, а с ними, родителями, не разговаривал. Ну, раз не помогают оплеухи и крики, пусть тогда ищет себе таких же молчаливых родители. Они ведь знают, что есть такие семьи – будут молчать все дружно в полном согласии. Мне стало жалко молчуна, но я не могла предложить ему дом и не знала подходящего на роль отца мужчину.

Моя пустая сумка стала тяжелее, несмотря на то, что я туда ничего не положила. Куда же я попала! Да, я забыла свои очки на раковине в ванной, а кроме близорукости, у меня еще и астигматизм. Я плохо вижу, иногда не могу рассмотреть детали, но еще не докатилась до того, чтобы мне мерещились собака, женщина и ребенок, выставленные на продажу. Я задавала себе вопрос, почему остальные зеваки не возмущаются и даже не волнуются хотя бы немного, и, пытаюсь найти ответ, решила найти кого-нибудь из организаторов базара. У входа на рынок я увидела вывеску с надписью «правила». Я повернула и пошла налево. Услышала громкий шум, как будто закрывались железные двери. Я остановилась и посмотрела назад. На белом полотне, вывешенном на одном из тополей, похожих на ноги аиста, чернелась надпись на трех языках: „Базар будущего“.

Я споткнулась на невидимом комке земли. Моя сумка прозвенела звоном кандалов. Я побежала к выходу.

Почему же мне гораздо удобнее находиться в настоящем?

Существуют разные будущие времена, во всяком случае в грамматике... Но некоторых из них я не хочу ни знать, ни применять.

Поэма об улитке и Фудзияме

Призвание улитки

- Чтобы долезть до вершины горы, надо не скорость умножать на время, а упорство на призывание, – говорила улитка, ползущая на вершину Фудзиямы.

Интроеспекция улитки

- Вот доползешь ты до вершины Фудзиямы, а что дальше? – спросили у улитки.

- Я ползу не вверх, а в себя, а я бесконечна, – ответила улитка.

Чувство скорости

- Чтобы научиться тормозить, надо перестать чувствовать разницу между быстрым и медленным, – говорила улитка, спускающаяся с вершины горы Фудзиямы.

Скорость

- Тебе что, некуда спешить? – спросили у улитки.

- Чем медленнее движешься, тем быстрее достигнешь цели, – ответила улитка.

Путь улитки

- А почему пространство твоего пути почти не меняется во времени? – спросили у улитки

- Мой путь идет по оси смысла, – ответила улитка.

Экспоненциальная константа

- А ты ползи по экспоненте, – посоветовали улитке.

- У каждого своя скорость, участвовать в уравнениях глупо, – ответила улитка.

Философский взгляд

- А как добраться до оазиса? – спросил странник.

- Жизнь здесь и сейчас станет оазисом, если ты найдешь путь к себе, – ответила улитка.

Вершина пропасти

- Вершина того, кто спешит – это вершина пропасти, – говорила мудрая улитка.

Свой путь

- А ты опять ползешь на вершину Фудзиямы? Может, тебя подбросить?– спросил биолог у улитки.

- Путь на вершину Фудзиямы ценен тем, что он пройден самостоятельно, – ответила мудрая улитка.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ (Германия)

Заметки путешественника

После двух дней не очень, прямо скажем, теплого проживания в подмосковной квартире без электричества и горячего чая, мысль о поездке в солнечную Индию грела меня лучше шерстяных носков. Все, чемодан собран. Перевеса, вроде, нет... Из своих вещей вместились только зубная щетка и косметичка. Содержимое чемодана - одни подарки и необходимые вещицы для хозяйства дочке, которые в ГОА купить немного проблематично. Все несколько дней до отлета каждый час смотрела ТВ новости о ситуации в аэропорту Домодедово. Теплилась надежда, что к моему рейсу все образуется, и аэропорт заработает в прежнем режиме.

Вот мы и взлетели... Впереди - 4 часа на борту «Боинга» Катарской авиакомпании. Стюардессы очень симпатичные и вежливые, все время улыбаются, обращаясь ко всем, естественно, только на английском языке. Народ в салоне тоже не ударил лицом в грязь и, как один, отвечал тоже на английском...

- Would you like chicken or vegetarian dish? – все дружно выбрали «чикн»...

Подкрепились, повеселели и усталились на экраны мониторов, висящих над каждым рядом кресел... Вот стрелочка, показывающая наш путь: пролетели над Тулой, Липецком, Астраханью, Ереваном, Тбилиси; пустыни Ирана закрыты густыми облаками... А вот Персидский залив...

Уже на спуске по трапу очень теплый воздух, смешанный с бензином и солнечными лучами, окутывает всех пассажиров. «Хэллоу!», - меня встречает зять, и... через 10 минут я открываю дверь на 2 этаже дома... Мои дорогие девочки встречают меня в полном составе! Внучка Сафи сначала серьезно смотрит на меня своими огромными карими глазами и говорит что-то вроде: «Ты приехала, да?» После чего все дружно обнимаемся и целуемся. Маленькая Ася совсем не «тянет» на 7-ми месячную, - сойдет и за годовалую!

Какое мягкое январское солнышко! Даже не верится, что в Москве сейчас минус десять. Однако, не всегда небо ГОА так благосклонно.

В этом я убедилась, попав на ГОА в октябре прошлого года.

ДОЖДЬ

...в 3 ночи наш «Боинг» приземляется в ГОА. Наконец-то... Зять встречает нас и везет домой. Ночью идет сильный дождь, влажность просто ужасная. Фен, который крутится посредине потолка, буквально сдувает меня с матраса, на котором я сплю. Уменьшаю его «активность» и, выйдя на балкон и вдохнув мокрого воздуха, наконец, засыпаю...

...утро не принесло изменений в погоде: опять дождь... Каменный пол, который в солнечные дни нагревается и очень приятен, сейчас холодный, и хочется надеть тапки. Как всегда, я проснулась раньше всех и потопала на кухню. Заварила чай, поставила варить суп для Сафи. Открыла балконную дверь: хоть сырой, но все-таки чистый воздух наполнил комнату. Вот проехал скутер, другой... Вот индианка идет на работу под зонтом... Дети в дождевиках идут в школу. Оказывается, у них каникулы длинные только в марте и апреле, а в сезон дождей (июнь, июль, август и сентябрь) дети учатся, ходят в школу под любыми ливнями. Вот щелкнула калитка у соседей, - это вышел мальчик-подросток с ранцем, у калитки его провожает мать. Через минуту подходит школьный автобус, и наш сосед уезжает. Мне нравится наблюдать утреннее движение из окна кухни или с балкона... В прошлом ноябре я видела под балконом и ящериц, и пальмовых белочек, и красивых бабочек, даже - колибри... У соседей во дворе растет огромная кокосовая пальма, на ней много плодов... Интересно, а если они упадут на голову кому-нибудь? По дороге на море в прошлом году по обеим сторонам тропинки, по которой шла, на земле я видела много пустых кокосов... Говорят, это обезьяны разбивают их и выпивают кокосовое молоко. Но днем я их там не видела. Хотя, когда дочка ехала с мужем на скутере, совсем недалеко от их дома на обочине сидели 4 огромные обезьяны. Когда зять остановил скутер, чтобы посмотреть на них, одна из обезьян встала и направилась прямо к людям. Но, конечно же, знакомство не состоялось...

Дождь лил 3 дня и 3 ночи. Наконец, pokazалось солнышко, и зачирикали птички. Повеселели и мы с Сафи, сразу поехали к морю...

Несмотря на сильные волны и свистки спасателей, некоторые смельчаки прыгают на гребни и резвятся. Это, в основном, индусы. Русских в этой части ГОА мало, а сейчас и вовсе нет. Они обычно отдыхают в северной части штата, где много дискотек, музыки, клубов и т.д. А здесь место, облюбованное англичанами, которые приезжают сюда очень часто. Купаясь с Сафи недалеко от берега, вижу немолодую пару... Как я и думала, они оказались англичанами. Прошу их сфотографировать нас с Сафи, они охотно это делают. Разговорились. Вы не поверите, но это был их 21-ый приезд на ГОА! Я рассмеялась и предложила внести их рекорд в книгу Гиннеса...

- Неужели вас не смущают ни коровы, лежащие на пляже, ни собаки, которые бегают здесь тоже?

ИНДИЯ. ГОА - ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ТЁЩИ

- Нет, что вы! Здесь очень красиво и тихо, да и чисто по сравнению с другими пляжами, где мы побывали. Мы здесь отдыхаем душой...

Наигравшись в песке и напрыгавшись по волнам, мы с Сафи идем домой...

О, кто это нам улыбается и машет рукой вдаль? Да это Лили, - наша хорошая знакомая, торгующая на пляже одеждой и сувенирчиками! Весь курортный сезон она проводит здесь с мужем и двумя младшими детьми, стараясь привлечь хотя бы одного покупателя в день. Правда, сейчас, когда еще мало туристов, ей это редко удается. Я чувствую сострадание к этой молодой улыбчивой женщине. Ее дети сидят прямо на полу ее магазинчика, который скорее похож на сарай. В прошлом году я много чего купила у Лили, и теперь она всегда делает мне скидки (правда, цены называют тихо, чтобы муж не слышал). На следующий день я приношу ее деткам русские шоколадки. Они довольны... Дочка передает маленькой Нише некоторую одежду, из которой выросли наши девочки. Присев на ступеньки владений Лили, мы беседуем... Лили интересно все, что касается России. Особенно она удивлена тому, что у нас выплавляются, хоть и небольшие, пособия на детей. А то, что за рождение 2-го ребенка матери выдают немалую сумму, повергает ее просто в шок. Да, в Индии ничего этого нет, слишком большое население. Здесь уместно, я думаю, рассказать историю рождения самой Лили, тем более что она могла иметь трагичный конец.

Маленькая индийская деревушка... В одном неказистом домике живет семья: женщина с тремя детьми и мужем, ее брат с семьей. Живут бедно, но рис выручает в самые голодные дни. Трое детей - не так много для деревенской семьи, но и не мало, когда каждая горсть риса на счету.

Все произошло жарким днем, когда яркое южное солнце светило в окна домика, освещая его унылые уголки и вселяя надежду его обитателям на что-то доброе и хорошее. Вселяя надежду всем, кроме него, - этого маленького существа, лежавшего на куче тряпья на полу в темной комнате... Лежавшего и кричавшего, будто призывая на помощь кого-то...

- На помощь ...спасите ... мама! не делай этого!!!

Над головой этого беззащитного существа нависает нога его матери. Нога в сандали... Она опускается все ниже и ниже... Вот она коснулась шеи ребенка...

- «Стой! Не делай этого!» - раздался крик за ее спиной...

Брат женщины отталкивает ее от ребенка, берет его на руки и уносит...уносит навсегда от матери, родившей его и собиравшейся отнять эту богом данную хрупкую жизнь...Так начала жить маленькая девочка по имени Лили...

...Нежеланный ребенок, она не знала ни тепла, ни тем более любви матери. Та к ней даже не подходила. С первого дня кормили ее и выхаживали старшие сестры, которые сами были еще детьми 10 и 12 лет, и дядя. Работала Лили всегда, сколько себя помнит: и по дому, и в поле. В школе она никогда не училась. Едва ей исполнилось 14 лет, ее выдали замуж, по индийским обычаям сельских глубинки... Муж оказался добрым и порядочным парнем, любил Лили. Они уехали в небольшой город, где живут и сейчас. Лили, можно сказать, счастлива: у них четверо детей (три девочки и мальчик), и ДАЖЕ свой бизнес. Пляжный... Когда я познакомилась с Лили, я спросила ее, откуда она знает английский язык. Ответ удивил: «Я научилась говорить по-английски на пляже, торгуя сувенирами и товарами для отдыха». Сейчас Лили только 25 лет... Это очень приятная и удивительно улыбливая женщина, которая счастлива по-своему. СЧАСТЬЕ у всех РАЗНОЕ... не так ли?

ДЕТСКИЙ САД

- Пора определять Сафи в детский сад - решили родители, и мы с дочкой и детьми, взяв такси, поехали на разведку в ближайший частный садик. Подъехав к воротам сада, мы увидели детей трех и немного более лет, висящих на металлической низкой ограде и слоняющихся со скучными личиками по территории, которая напомнила мне по своему размеру нашу маленькую комнату. Качели на веревках почему-то напомнили инвалидов на

одной ноге (некоторые болтались на одной веревке). И, хотя нам с дочкой сразу же стало все ясно, мы из любопытства все-таки прошли внутрь, где и встретили саму хозяйку этого ЧУДЕСНОГО детского сада. Она показала нам малюсенькую комнатку, своими размерами напоминающая нашу кухню. Часть детей сидели на скамеечках и пытались что-то рисовать на бумаге, лежащей на грязных старых пластмассовых стульях (вроде как столах). Хозяйка с гордостью показала нам на книги, стоящие в 2 ряда на маленькой полке. Все они были с одним и тем же названием на тему «Познай мир». Мне стало понятно, что дети их в руках даже и не держали, так как книжки были слишком новыми и чистыми. Мы попрощались и поехали в другой садик...

Здесь была совсем иная картина. Нашему вниманию представило чистое, просторное помещение, каменный пол которого был застелен ковриками. На ковриках лежали игрушки, играли веселые и приветливые дети. 2 мальчика подошли к Сафи и хотели, видимо, позвать ее играть... Но нам пока еще нельзя сюда. Детей принимают только с 3-х лет. Жаль... Сафи так необходимо общение с детьми! Ждать еще полгода? Есть еще один садик. Надо посмотреть...

На второй день после нашего приезда из соседней деревни к нам пришла индианка МЭРУН. Зять нашел ее в помощь дочке по дому. Мол, мама скоро уедет, а с 2-ми маленькими детьми работы ой, как много... Мэрун стала приходить 2 раза в день, утром с 10 до 12 готовила еду зятю и его помощнику по работе, и гладила белье, если оно успевало высохнуть. За 1, 5 - 2 часа Мэрун успевала погладить столько белья, сколько я обычно глажу за полчаса. Да... Скорости в Индии во всем замедленные. Что делать, солнышко греет: видимо, замедляет процессы... Иногда дочка звала Мамту - молодую девушку, поварицу хозяйна дома, чтобы та объяснила какие-то тонкости на своем местном языке Мэрун (та не знает английского).

Мамта - умница и чистюля, она сразу же подружилась с дочкой, приходит к нам каждый вечер: посидеть, посмотреть телевизор, попить чайку и помочь испустить детей перед сном. Мамта приехала на ГОА из Мумбаи (Бомбей), выйдя замуж и решив жить отдельно от родителей и сестер. Конечно, назвать комнатой то место, где они с мужем живут, трудно: темное сырое помещение с каменным полом без мебели, посреди комнаты днем гордо стоит единственный стул. На стуле также гордо восседал Ану-Мамта, ее муж, смотрит телевизор, купленный только через 4 года совместной жизни. К ночи середина комнаты превращается в спальное место, спят на матрасе. Мамта полностью зависит от старого, с противным характером, больного хозяина, который часто уезжает жить в Дели или в Канаду, оттуда контролируя свое хозяйство с помощью секретарши и уборщицы, живущей напротив Мамты с семьей в таком же унылом помещении. За работу хозяин платит совсем мало, так как предоставляет им жилье.

Мамта прекрасно готовит и, когда приезжает хозяйин, ей уже некогда подниматься на 2-й этаж в гости, - она готовит весь день, особенно если этот анкл (дядя) приезжает домой с друзьями.

Несколько раз Мамта угощала нас своими изделиями: вкусным острым рисом, жаренной по-индийски курицей и баклажанами в кляре. Вкусно, особенно если любишь острое...

Иногда, после вечерней прогулки на пляже, мы с детьми решали перекусить в кафе (они стоят прямо здесь, далеко идти не надо). Конечно, все блюда тоже остренькие, но можно выбрать что-то и для ребенка. Например, лапшу с овощами и суп-пюре морковный. Мне очень понравились лепешки НАН (с сыром и чесноком внутри).

Да, в больших городах нечем дышать. Я не была в Дели, но зять бывал там много раз и рассказывал, что он останавливался в отеле и старался без необходимости в город не выходить: жара - 40 градусов и больше, раскаленный асфальт и смог...

До Дели от Мумбая лету часа 2. Городок ВАСКО ДА ГАМА гораздо ближе: на машине - 15 минут, поэтому жители БОГ-

МАЛО ездят туда и на работу, и на рынок. Утром по дороге несутся скутера, на которых едут практически целые семьи: папа, мама, а между ними еще и парочка детей (такие худышки могут поместиться где угодно). Детей везут в школу. Некоторые школы имеют свои автобусы, которые собирают школьников со всего Богмало. Однажды, проезжая мимо муниципальной школы на окраине ВАСКО, я увидела выходящих из школы девочек. (Девочки и мальчики в ГОА учатся отдельно). Девочки были в форме ярко-зеленого цвета с красной отделкой, а в волосах у них были красные узкие ленточки. Выглядели девочки так симпатично и нарядно, что я пожалела о том, что не взяла с собой фотокамеру...

Эта яркость и нарядность в одеждах (особенно женщин) бросается в глаза и в городе, где улицы переполнены народом... Вот идут две красивые индианки: одна в ярко-розовом сари, а другая - в ярко-голубом. Седая индианка с благородным лицом одета в сари красивого серо-синего цвета. У всех женщин волосы стянуты на затылке. (Я поняла, ПОЧЕМУ, только тогда, когда приехала в ГОА.) Слишком влажный воздух, и любая другая прическа не будет держаться и смотреться. Лак и пенка для волос - здесь не пригодятся, так как ходить постоянно с влажными волосами.

Едем с зятем в магазин тканей. Хочу купить несколько отрезков для себя и своей подруги. Хозяин небольшого магазина - хороший знакомый моего зятя, поэтому цены не будут взвинчены как для иностранки, что очень часто бывает в частных магазинчиках и на рынках. Он показывает мне ткани, раскладывая их одну за другой на прилавке. Глаза разбегаются от яркости красок и красивых узоров... О, настоящий шелк! Как приятно руке прикосновение к нему... Цена низкая до смешного, у нас столько стоит пакет кефира. Рядом в отделе индианка выбирает себе сари. Они все упакованы в пакетики по 6 метров, именно такую длину должна иметь ткань для сари. Расцветки просто бесподобны: есть вышитые бисером или гладью. Красота...

Пока зять покупает что-то в соседнем магазине, я решаю проявить самостоятельность и купить, пардон, половник для кухни в их доме (все есть, кроме него, родимого), а суп наливать ложкой просто неудобно!). Выбираю за 65 рупий (43 рубля) и, довольная, выхожу на улицу, жду зятя...

- Woman, sorry! Woman! - из магазина, который я покинула 3 минуты назад, выходит девушка и протягивает мне пакет с купленными тканями, который я, от счастья обладания половником, просто оставила возле прилавка. М-да....

Наконец, появляется зять, и мы идем покупать сладости...

Тогда, будучи неопытной в выборе индийских сладостей, я купила выпечку: этакие маленькие рогалики, как я была уверена, с маком. Приехав домой и, заварив чай, мы с дочерью дружно взяли в рот по рогалику и ... дружно выплюнули их! Это оказался не мак, а перец! Поэтому теперь я бдитительно спрашивала мальчика-продавца о начинках выпечки. Конфетки: круглые с кокосовым маслом в виде разрезанного арбуза, ананаса и т.п., халва самая разная, тонкими пластинами и кубиками.

Несколько заходов еще в несколько магазинчиков (помидоры, ананасы, хлеб, молоко), и можно ехать домой. Очередной раз жалею о том, что не взяла фотоаппарат: вот проезжаем мимо уличного цирюльника, он бреет индуса. Вот проехало городское такси, такое маленькое и хорошенькое, как божья коровка, а вот и рикша везет каких-то иностранок. Наверное, англичанок. В прошлом году я зашла в один крупный (по местным меркам) магазин купить подарки своим близким, поднялась на 3 этаж. Был вечер и уже смеркалось, как вдруг отключили электроэнергию... Это для меня - вдруг, а они, местные, к этому привычны. Кондиционер остановился, темно, ужасно душно, пот катит градом... Какие тут подарки! Скорей выскочила на улицу...

(продолжение следует).

Гонсовская Жанна

Живу в России, в подмосковном городе ВИДНОЕ. Окончила Брянский государственный университет им.академика Петровского. Работую учителем английского языка в средней школе.Волею судьбы дочь вышла замуж за индийца. С тех пор маршрут моих поездок одинаков и очень прост: МОСКВА - ГОА - МОСКВА.

Московский Салон Литераторов

Игорь Лукшт

Родился в 1950 году в г. Баку, закончил Московский авиационный институт, позже Московское высшее художественно-промышленное училище им. С.Г.Строганова (мастерская скульптуры).

Скульптор, член Московского и Российского союзов художников, профессор кафедр академического рисунка Строгановской художественно-промышленной академии и школы-студии МХАТ.

Публикует стихи на "Поэзия.ру", "Стихи.ру", "Рифма.ру", "Литконкурс.ру", "45-я параллель" и др.

Лауреат международных конкурсов: "Поэзия 2006", "Вся королевская рать" (2006, 2007, 2009), "Серебро слова - 2006", "Серебряный стрелец" (2009, 2010), поэтических конкурсов им. Петра Вегина (2009) и Льва Лосева (2010). Финалист Волошинского международного конкурса (2005, 2006, 2008).

"... Мне кажется, переживания, живущие в нашей памяти, — один из главных импульсов в художественном творчестве, и, в зависимости от состояния души и ситуации, они могут стимулировать автора к деятельности в разных сферах искусства. В частности у меня это привело к появлению одноимённых работ в скульптуре и поэзии. При этом пластика не является иллюстрацией к поэтической версии, а стихи — не описание пластического образа. Просто это независимое развитие ростков темы из одного зерна души, создание формы, в которой пытаешься закрепить чувственный отзвук на взволновавшее тебя событие в том или ином материале..."

Поэзия для меня - попытка создания в слове неких художественных миров, имеющих отчасти соприкосновение с повседневной жизнью, проживаемой автором, отражение мира реальный, преломлённых, преобразованных, однако, в новые прихотливые пространства творений призмой авторского видения, фантазией и метафорой слова".

Игорь ЛУКШТ

УТРО

Начинается свист в репродукторе,
гимном чреватый,
в сером сумраке комнаты ходиков
медленный бег.
Ветер тронул крыло занавески.
Диванчик дощатый
заскрипел и вздохнул, полный снов и
предутренних нег.

Рассыпается дробь — хлебовозы
считают поддоны,
юный хлеб из пекарен ночных во
дворе задышал.
Вечный уличный страж, дворник
машет метлой под балконом,
прах столетий метёт, по асфальту
соломой шурша.

В сонном омуте крыш голубь горло
зарёю полощет,
липа старая смотрит в открытое
настежь окно,
чуть качается лист с золотистой
прожилкой и рошчет
на урюмость ночей, на прохладу и
сумерки, но

проливается свет. Чиркнет спичка,
эмаль в синих перьях,
заворчит незлобиво кофейник на
смуглой плите,
запах гренок струит. Как ребёнок,
под сводами кельи
спит с улыбкой пиит - в пустоте, в
нагоде, в чистоте.

Мама латку кладёт на лохмушки
потёртых х/б.
Над тетрадью стихов, отрясая
лиловые кисти,
наклоняется ветка сирени в немой
ворожке,
из хрустальной воды вынимает
зелёные листья.

На раскрытой странице в игре
преломлённых лучей
слово "Утро" начертано тонкой
чернильною ниткой...

Утро

*Начинается свист за крылом
уходящего ветра,
обрывается дух над кромешной
густой синевой,
занимается даль — Лучник плавит
горнильные недра,
припасая перуны косые в колчан
золотой.*

*Рассыпается дробь под копытами
медленноногих,
теплогубых коров, пролагающих
жертвенный путь.
И кричат по степи пастухи
заунывно и строго,
и бичами кроют в лоскуты
предрассветную муть.*

*Ты над миром сквозишь: над волною,
над камнем, над деревом,
с кровли лба Твоего нистекает свет
утренних звёзд,
пробуди своих чад глухо дремлющих
древним напевом,
окропи их чела нежным холодом
утренних рос.*

*Проливается свет сквозь туманно-
прозрачные груди,
на серебряный лист - ледяная капель
бубенцов,
заскрипит карусель: щебет-шорохи-
впорохи-гуды,
лёгкий морок, улыбка и грусть
ускользающих снов.*

*Истончается нить в грубых пальцах
судьбы, но прорухи
всё не видно конца: ни кола, ни
дворца, ни венца.
Только робкий смычок, только вещей
намёк от Старухи,
только утра глоток, да любви
острие у лица...*

*Встрепенулс будильник - картавый
петух городской,
начинается день нежной пенкой
молочного утра.*

ПЬЕРО

Мой бедный маленький Пьеро
Носил за острыми плечами
Мешок, наполненный платками
Для слёз.
Глядел в стенное серебро
Зеркал и плакал вечерами,
Мерцая синими блинками
Желёз.

Любил прохладные дожди,
Шарфы, неброские одежды,
Махал ручонками в надежде
Взлететь,
Оставив кровли позади,
Туда, где солнце, смежив вежды,
Сверкает огненно и нежно,
Как медь.

Листал страницы мудрых книг,
Крутил макушечную прядку,
Вершил восточную зарядку
С утра.
И, просветляя тонкий лик
В пространствах дзэновской загадки,
Чертил листы узором кратким
Пера.

Так длился день, летела ночь.
Кистей порхающие свечи
Он зажигал, внимая речи
Цветов.

Пытаясь робость превозмочь,
Перед холстом, как перед Богом,
Стоял и сдержанно, и строго.
Каков!

О, храбрый маленький Пьеро,
В начале нового столетья,
Когда судьбы тревожный ветер
И новь,
Ты жил да был, искал добро
И был участник и свидетель,
И знал, что главное на свете —
Любовь.

ТОТЕМЫ

С немалым любопытством, исподволь,
я наблюдаю за прогулкой чёрной таксы —
забавного смышлёного щенка —
уже полгода как взвихрившей наш уют
и скорых дней привычное течение.

Её беседы с камнем придорожным,
пером, парящим на стеблях осоки,
сухой ветвью с иглами сучков, -
так странно производят впечатленье
событий важных в хрониках квартала.

Внимают ей не пыль и мишура,
случайный мусор улицы пустынной,
с ней говорят суровые тотемы,
воители природы многоликой,
священные хранители родов.

И Дарси им достойно отвечает,
пускай робеет, но отважно лает
и подступает близко vis-a-vis,
глаза в глаза к богам немногословным
и оговаривает с каждым камнем новым
существованья мирного условия
и кодекс чести братьев по крови.

И так она уже договорилась,
где проявляя гнев, где лезть,
где милость, -
со всем Олимпом маленьких богов
в гуляльном круге местного бульвара...
И страсти мира древнего - пожары
любви, амбиций, игр, приязни, свары —
таятся в углях Дарсиных зрачков.

Ольга Грушевская

Член МСП «Новый современник»,
руководитель проекта «Моссалит», прозаик.

Миниатюры из цикла «Любовь? Она — разная...»

Ты меня успокаивал

Ты меня успокаивал, говорил, что женщи-
на - хранительница очага.

«Кто бы спорил! — руками я взмахивала.
— А мужчина?»

«Это просто, - говорил ты с легкостью, -
мужчина - воин, он приносит добычу и охра-
няет женщину... хранительницу своего очага».

Но тут ты запнулся, задумался, вздохнул
тяжело и потушил сигарету:

«Мужчина. А хрен его знает, кто он. В
этом мире все перепуталось».

«Поезжай-поезжай», - сказала я

«Поезжай-поезжай, - сказала я, - у тебя се-
годня все получится».

Прислонилась к дверному косяку и натя-
нула улыбку, чтобы скрыть отчаяние. «Не забы-
вай меня», - шаблонно скокетничала.

«Как я могу забыть тебя? - по-детски уди-
вился ты и прижал к себе. - Как, любимая?»

«Поезжай-поезжай», - прощентала я, не
уверенная, когда снова свидимся, и поспешно
закрyla дверь за тобой, чтобы ты запомнил
меня сменяющейся.

Ты спросил, как можно забыть меня?

Время-жизнь покажет... как.

Любовь? Она — разная...

Ты, любовь моя, можешь дать силы жить
и воздух дышать.

Но то, что дает, то легко забирает — подоб-
но болезни любовь может быть разрушительна.
Любовь есть зависимость, зависимость есть
разрушение...

Иногда ты мне говоришь: «Я не верю себе
самому», и я съезживаюсь.

Иногда ты мне говоришь: «Ты знаешь,
бывают черные мысли. Сердце гонит их, разум
мешает», и я закрываю глаза, чтобы взглядом не
встретиться. Значит, в лодке одной мы с тобой.

Я мгновенно, предательски, веру теряю
всякую: черные мысли-сомнения, словно ин-
фекция, мне под кожу паучьими лапками про-
бираются, и вот - мы уже инфицированы. Смо-
трим в глаза-зеркала и видим Фата-моргану
— наш сон, где Верность на трон коронована.

Я вижу ночь вместо дня, тьму вместо
света, лицо твое забываю, а слова, нами ска-
занные, — лишь междометия случайные, слова-
паразиты, адресата не знающие.

Хмуро в пальцах ты вертишь кольцо мое —
подарок на память, тебе - на мизинец.

Ты говоришь: «Любовь не бывает без боли». И
я пытаюсь вздохнуть, но не хватает воздуха.
«Как излечиться?»

Кольцо из пальцев твоих выскальзывает,
на столе крутится.

Нам за слабость стыдно становится...

«Так много людей вокруг нас: мужчины и
женщины. Мне нужна только ты. Иногда мне
это мешает».

«Я знаю», - закрываю глаза и в руках тво-
их забываюсь: сон предутренный — боли в нем
не бывает.

Любовь?

Она разная...

Ассалит

Игорь Лукшт

ФЕНИКС

Полумрак — полусвет...
В тишине мастерской только
уличный гвалт детворы,
редко скрипнет в полу полустёртая
старая плаха.
На окне сухоцвет
зном крымской степи, чабрецом и
лавандою пахнет,
да сурово станки мои ждут
окончания великой хандры.

Творче солнечный мой,
здесь над глиной густой, чуть дыша,
замирает душа,
всё глядит сквозь пласты, всё
твердит о неявленной сути.
Глина ждёт под плевой,
но закон её форм ускользает
подвижною ртутью
сквозь ладони мои, простотою своей
ворожа.

Этот тайный закон,
этот вечный мотив ведом камню и
зверю в горах,
рыбе в синих озёрах и древу седому,
и небу,
в шорох трав он вплетён...
Обрету ли его в ремесле
каждодневном и хлебе,
тихим по-во-ды-рём на лис-тах, на
кам-нях, в письменах?

Ждут мои стеллажи
и круги поворотные — скрипа,
движения ждут,
стынут жала стамес, дремлют стеки
и плоть пластилина.
Не торопят в тиши
мои чада родные — из бронзы, из
гипса, из глины —
терпеливо душе
возродиться из пепла дают.

Над разлукой глухой
и раздраем времён, над страстями
великих систем
опалённые крылья
из дымной золы простирает...

Белый свод мастерской
в небеса растворён -
там,
немые уста отверзая,
феникс светлый летит
над уныньем
и небытием.

ОКТАБРЬ. ПЕЧНИКИ

Серо-угрюмые сумерки старого сада
солнце холодное шелестом ветра
наполнило,
яблонь извивы продув
сквозняковыми волнами хлада.
Вишен листва, как мираж, винно-
розовым облаком
в стыни пылает. Их лепет печальный
запомнить бы,
скорбную хрупкость стволов в
глуховатой тоске листопада.

В охристой крошке, в косматости
мхов, выплывает
кровля сарая, как горб ископаемой
рыбины.
Древний скрипит целакант, к небу
рёбра косые вздымая,

в утренних реках багря. Их
потоками зыблема,
знобко поводит хребтом деревянная
глыба над
дымом костров, над тоской и
мольбой опустевшего края.

В гулком железном корыте, до дыр
проржавелом,
красную глину с песком будоража
лопатами,
месяц раствор печники в кирпичках,
перепачканных мелом.
Брови белёсые, речь на арго хитровая,
в рыжих усах пламенеют бычки
самосадные,
пальцы целованы ветром, грубы и
умелы...

Цокнет сорока в рогатых ветвях
осокозя
и застрекочет, по дереву шаркая
лапками,
скорую зиму браня, с заморокой
голодной споря...
За терракотовой банькой, за сливою
зябкою
Изредка скатится в травы сиротское
яблоко
в стылом безмолвно-суровом
великом просторе.

Дорога на Ярославль

Олегу Горшкову
Евгению Коновалову

В метельной мути древняя земля,
укрытая лавинами печали,
пластами леденеющих перин,
во снах блаженных спящие поля
с бегущими белёсыми смерчами,
где избы, как сомнамбулы, качают
дымком седин.
Под вьюгою склоняя древеся,
кресты столбов с куделью бесконечной
влекутся вдоль обочин ледяных
сквозь белые безлюдные леса,
сиротство стужи пьют в тоске извечной,
погребены в сугробах млечной гречи
и тишины.
Не го - мо - ни! В слезах ли, немоте -
пригубь печаль и стынь цыкуты белой
сквозь льдистую проталину стекла...
Метёт, метёт на вепревой версте,
бараночным серьёзным занят делом,
водитель со щекой орозовелой,
что так кругла,
ворча, дорогу взором ворожит,
спина ковшом, и где-то под Ершовым
откроет дверь замерзшую... Легка,
впорхнёт пичуга в облаке снежин,
в жемчужном свете северных покровов.
Горит румянец в ворохе вишнёвом
воротничка,
как бубенцы, мерцают в полумгле
сосульки из-под шапочки лиловой
над крохотными блюдцами ушей...
Господень дар в унылом феврале
под глыбою эпохи ледниковой -
сквозь тёмные хрустальные оковы
остывших дней.

Как свет из бездны व्यожистых небес,
предвестие и звук грядущей встречи -

“друзья мои, прекрасен наш союз...”
В тумане Ярославль-златоуст
Укутан в скань серебряных древес -
зима-зима на сотни вёрст окрест,
где в рокоте ли, в лепете ль словечек
воркуют родники родимой речи
сквозь снежный хруст...

Никита Брагин

Родился в Москве в 1956 г. Окончил Геологический факультет МГУ. В настоящее время ведущий научный сотрудник Геологического института Российской Академии наук, доктор геолого-минералогических наук. Специалист в области палеонтологии и стратиграфии, государственном Геологоразведочном университете на должности профессора. Много путешествует.

Автор нескольких книг: «Стихи» (2004), «Камни, песчинки, потоки» (2005), «Лаура делла Скала» (2006), «Четыре стихии» (2008), «Избранное» (2009). Печатался в журналах «Российский колокол» (Москва), «Лит-э-Лит» (Москва), «Чайка» (Балтимор), в различных сборниках, вышедших по итогам литературных конкурсов.

Русский гобелен

Тихо льётся печаль
Серым шёлком дождя за рекою,
И горит пастораль
Златотканых берёз на заре;
Лёгкий купол собора
Сияет лучами покоя;
У далёкого бора
Уснули дуга в серебре.

Потемнели цветы,
Помутнели и выцвели краски,
Золотые листы
Опадают и гаснут вокруг;
Лишь людей силуэты
И лиц полустёртые маски
Проступают, согреты
Прощальным касанием рук.

Впереди — тишина.
Холодеющий ветер заката
Допивает до дна
Догорающий пурпур вина;
На поникших берёзах,
На гальке речных перекатов
Серебристые слёзы —
Осенней росы седина.

Определение поэзии

Пусть это будет сердце мытаря,
Что бросил деньги на дорогу,
Доска, до белизны отмывая
Навстречу мастеру и Богу,
Погост, могилами безвестными
Скорбящий над седыми безднами,
Дрожащее раненой руки,
Волна, несущая венки,
Дыхание бегущей лани,
Что слышит за собою смерть,
И гор изломанная твердь
В тисках подземных содроганий,
И одоление мечты,
И боль внезапной хромоты...

Сонет к Дон Кихоту

Мамбринов шлем, о бедный дон Алонсо,
Тебя обманном блеском восхитил
Сильнее, чем дублоны — тех громил,
Что брань вели от Мехико до Монса.

Любовной песне юного веронца
Уподобляю вдохновенный пыл,
С которым ты на темя водрузил
Цирюльника начищенную бронзу.

Уже собрались бабы и зеваки,
Мычат скоты, народ желает драки,
Исход её, конечно, предreshён.

Но, если при смерти любовь и слава,
Твой выбор — то единственное право,
Чем этот мир оплакан и прощён.

Радуйся

Радуйся — любовь твоя угадана...
Осень осыпается и дышит
Облаками пепельного ладана
На деревья, купола и крыши;
Радуйся — становятся всё тише
Утолённой боли родники,
В наступившем полумраке слыша
Всплески набегающей реки.

Отдохни — челны твои причалены
Полночью, что одарить готова
Всеми незабвенными печальми,

Исстари родными с полуслова;
Отзовись и вслушивайся снова,
Как зовёт шуршаньем камыша
Тихого и бледного покрова
Осени усталая душа.
Скоро небо над тобою склонится,
Звёздными цветами засыпая,
И уйдёт последняя бессонница,
Отрешённо по воде ступая,
И надежда, нищенка слепая,
В ясной безутешности мольбы
Прикорнёт, неслышно засыпая
На холодной паперти судьбы.

Бабочка

Наклоняясь над замаранной тетрадкой,
Поспешаю за случайною догадкой,
Словно редкостную бабочку ловлю, —
В непослушном трепетании полёта
Осыпаются чешуйки позолоты,
Остается только то, что я люблю...

А любовь — она слепа, но справедлива!
Словно верное пришествие прилива,
Прикоснётся, перемолвит и поймёт —
Жаль, что золото не жёлто, а кроваво,
А сердца и кошельки давно дырявы,
И подделаны вино и даже мёд!

Так останься окрылённой белизною,
И дыхание полуденного зноя
Неоплаканной красою опечаль,
Чтобы веяла счастливая прохлада,
Чтобы море за вратами Цареграда
Распахнуло золотистую вуаль!

И, рассеивая солнечные блики,
Оплети мои колени повиликой,
И одним прикосновением — прости!
Чтобы тихо колыбельная звучала,
Возвращая неповинное начало,
Замыкая совершённые пути.

Иконописец

Иконописец мудрый, не тебе ли
Затрепетавшим золотом лучин
Сквозь темноту пределов и причин
Сияют ликов нежные постели?

Твои ли губы от любви немели
Предчувствием страданий и кончин?
Твоя ли слава — иноческий чин
И терние монашеской постели?

Но, силой духа поражая страх,
Мазки ложатся, тонкие, как листья,
Что разбудила дождиком весна.

И Матерь Божья с Чадом на руках
Всё явственнее смотрит из-под кисти,
Премудростью твоей удивлена...

Фреска

Смотрю, и, неожиданно прозрев,
В недвижимом постигаю бег пожара,
В безмолвии ловлю раскат удара,
И в тесноте зрачка растущий гнев+

И плачу, повторяя нараспев -
Что пред тобой спасение и кара,
Когда творишь, прикосновеньем дара
Неповторимый миг запечатлев?

По сумеркам ведя любовь и разум,
Твоя судьба, проснувшись, отдала
Тепло - руке, сияние - алмазу,

И ветер - взмаху вольного крыла,
И дивный свет, чья сила тяжела,
Как пламя солнца - слепнущему глазу.

Моссалит

Никита Брагин Страшный Суд

О матушка моя! Ты говорила
О скорби мира, и о Дне Суда,
Когда покроют пеплом города
Вулканов пробуждённые горнила,

И пошатнутся солнце и светила,
Когда взойдёт Полынная Звезда,
И обратится горечью вода,
И по земле разверзнутся могилы...

Но слово утешения текло
Рекою жизни, что светлей кристалла,
И прорастало солнечным зерном,

И было сердцу больно и тепло,
Когда твоя любовь меня ласкала,
И плакал вечер огненным вином...

Тридцать лет назад

Я не забыл, с какой тоской,
когда была ты маленькой,
лил дождь холодный день-деньской
на купол Марфо-Марьянской,
а ты младенческой рукой
легко касалась клавишей,
и гаммы плыли над Москвой,
свинец и осень плавающей,
звнящей в чумовых пирах
полтинниками блёклыми,
скрывающей беззубый страх
засиженными стёклами...
а век летел на всех парах,
гудя бесовским полчищем,
и осыпался душный прах
багрового полотнища...

Но верую обретено,
и связано надеждами,
вилось любви веретено,
и паутинки нежные
удерживали плотно
наполненного паруса,
и билось тёмное вино
о белый мрамор Пароса!..
Текли по лезвию строки
миров противоречия,
и напевали родники
дворов замосквореченских,
что будет, веку вопреки,
расколотое — собрано
касанием твоей руки
и потаённым образом...

Йозефов

Тонкая, терпкая, тёмная аура
тушью ложится на роскошь фасадов,
тусклые тени тревоги и траура
пеплом покрыли пожар листопада,
тесно и твердо сжимает ограда
старое кладбище; в хаосе плит
стиснутый прах испаряется ядом,
стелется, душит, палит...

В трещинах камня,
по сводам намоленным
высохли слёзы серебряной солью,
сумраки спрятали голову Голема,
бледную глину, облитую болью;
сердце срывается, дышит юдолью
душный шеол замурованных душ...
мышье шуршание, шелест подполья,
горла голодная сушь.

Вижу возделанный Кафкой
и Майринком
призрачный сад орхидей на могилах
и, онемев, замираю, как маленький,
слово от пепла очистить не в силах.
В муках и мраке тебя породила
горькая жажда спрессованных лет,
сажа молитв на истлевших стропилах,
едкая окись монет...

И надо всем, словно светлое озеро,
осень прозрачные кроны кодышет,
льётся, лаская ладошками Йозефов,
крася кармином кораблики-крыши;
ратуши звон всё воздушней и тише,
трелью струны, чист задетой рукой,
сопровождает ниспосланный свыше
благословенный покой.

Встав над руинами скорби и ужаса,
ты просыпаешься нежным бутоном;
каждый твой камень и каждая лужица
светятся радостью неутолённой;
утренний луч припадает поклоном,
музыка улиц безгрешно проста,
мерными тактами
в сердце влюблённом —
юность, надежда, мечта...

ТАМАРА ЗАЙЦЕВА

Родилась в Новосибирске. Закончила
Новосибирский институт инженеров же-
лезнодорожного транспорта, по специаль-
ности инженер- экономист.

После окончания работала в новоси-
бирском Академгородке. Оттуда уехала в
Новую Зеландию в Веллингтон, а позже в
Австралию в Мельбурн.

В Австралии сменила профессию.
Теперь работает медсестрой в госпитале.
Чуть больше года назад начала писать сти-
хи и рисовать.

Как по лезвию бритвы...

Как по лезвию бритвы, стекает рассвет...
Кто был рядом вчера, тех со мной уже нет...
Вы остались в горах, где закаты во мгле,
Где автографы пуль на гранитной скале...

Каждый камень и выступ
то ли враг... то ли друг?
Он прикроет меня? или выстрелит вдруг?
Долгим эхом в ущелье отзывается крик,
Тот, который, как штык,
в мое сердце проник...

Я остался... я выжил...
Память - острая боль...
Что когда-то случилось,
будет вечно со мной.
Не уйти мне, не скрыться,
не забиться в бреду...
С этой раною в сердце я по жизни иду...

Тишина... Подоконник... Сигарета горит...
В доме, том, что напротив,
кто-то тоже не спит...
Огонек сигаретный виден мне из окна.
То, что было там с нами, чья же это вина?...

Вечер

Вечер окутывал тонким шелком,
Нежно обняв за плечи,
Ветер, проказник, лаская кудри,
Как бы ему перечит...
Солнце спускается в темную гавань,
Медленно, словно тает...
Ночь на пороге бархатным пледом
Нас с тобой укрывает...

Стрела

Когда коснешься вдруг руки,
Случайно, будто ненароком...
Глаза мне застилает дым,
Как будто облаком, морОком.

Когда я слышу шорох слов
Твоих, что нежно произносишь...
Я уношусь в созвездье Снов,
Где все сомнения отбросишь...

Туда, где только миражи,
Когда-то созданные мною,
Там, где сверкает и дрожит
Мечта, забытая тобою.

В созвездье Снов, в тумане дней
Я существую, ожидая...
И лука тетиву... и с ней
Стрелу, что ждет тебя, сжимаю...

В каждой женщине...

В каждой женщине много вместилось -
В ней чертовки и ведьмы, и нимфы ...
И нельзя, чтобы все разделилось,
Не нарушив сложившейся рифмы.

Есть в ней жизнь и от смерти что-то,
Жажда счастья и горечь обиды...
Если женщина Вас не хочет,
Может, что-то в ней Вами убито?...

Ирина Кушнерова

Новая Зеландия

Пятую осень

У него без неё остывает
эспрессо-маккьято
Где-то в центре Москвы,
в опустевшем под вечер кафе.
Так случается пятую осень,
и есть вероятность,
Через год он поставит ещё один прочерк
В графе...

У неё без него поутру леденеют ладони.
Листья падают вниз,
оставляя круги на воде.
Возвращаясь домой,
она едет в последнем вагоне.
Так случается пятую осень,
И есть ли предел?

Всё течёт, как всегда -
Без эмоций, интриг и загадок.
В ночь с субботы на зиму
опять переводят часы...
У него без неё черед
аварийных посадок.
У неё без него и посадочной нет
полосы...

Теория невероятности

Сонное утро, влюбленная девочка
трогает лучик тонкими
пальцами.
Ей очень хочется доброго-вечного.
Чтобы не ввали
метеостанции.

Чтобы цыплят не считали по осени.
Чтобы принцесса,
но без горошины.
Чтоб отношения - не однополосные.
Чтоб в двадцать восемь
не было прошлого.

Чтобы любили до дури! до судорог!
Чтобы по краю
или по лезвию.
Чтоб автострады без трэффиков-
сутолок.
Чтобы мгновенно и
безболезненно.

Чтоб вероятность сильнее теории.
Чтобы балансы
точно по-белому.
Чтобы у самого синего моря
и
паруса
к берегу...

Тук-тук

Здесь на юге зима,
здесь никто никого не греет...
Продырявились крылья
без веских на то причин.
Отпускаю тебя
[только память звенит сильнее]
в некрестовый поход
[будет повод точить мечи].

Будет повод для слёз
алкоголя,
стихов,
неврозов.
Для смешных откровений,
для веры в нечудеса...
Будет повод для встречи
[быть может, вернуть не поздно?!]
А увидев...
Скучая сказать:
“ну, привет... как сам?”

А потом разойтись
по своим непрямым дорогам.
Посидеть в тишине,
подвести, как итог, черту.
Не осталось у нас
ни кола,
ни двора,
ни бога,
только память стучит по рельсам:
тук-тук,
тук-тук.

Ксения Белова

Родилась 20 марта 1987 года. Росла и
живет в городе Абакане, республика Хака-
сия. Училась на филологическом факульте-
те, в данный момент получает профессию
логопеда. Воспитывает дочь. Публикова-
лась в местных изданиях - газете для ли-
тературно ориентированной молодежи
«Провинциал» и в сборнике «Антология
молодых писателей Хакасии».

Письма сестре

Фаине

Здравствуй, родная.
Я пишу тебе каждый день
С тех пор, как тебе было три,
а мне только исполнилось семь.
Я писала тебе в голову,
а сегодня взяла бумагу.
Мысли сразу же кончились.
Пожалуй, пойду прилягу.

Здравствуй, родная.
Меня окружают люди.
Они надо мной трясутся,
как бычий студень.
Одни говорят, что друзья мои,
другие — семья,
Третьи вообще ничего мне не говорят,
Но всем от меня обязательно
что-то нужно.

Я погружаюсь в себя
и не очень хочу наружу.

Здравствуй, родная.
Я фантазирую, что мы вместе.
Я иду на работу и рисую
на пальце крестик,
Чтоб не забыть.
И веду себя всех негодней -
Хамлю, говорю, что я не одна сегодня.
А ночью реву в подушку.
Ты как будто со мной реवेशь.
Я знаю, ты прочитаешь
это и всё поймешь.

Здравствуй, родная.
Я пишу тебе под столом.
Когда я лезла под стол,
он ударил меня углом,
И теперь мне грустно.
Я мечтаю закрыть глаза
И чтоб кто-нибудь
милый гладил по волосам...
Здесь темно, одиноко,
пахнет морской капустой,
И соседи сверху ритмично
качают люстру.

Здравствуй, родная.
Мне кажется, я умру.
Это как едешь на лошади,
а потом кто-то скажет: «Тпру»
И упадешь. Это может случиться
в любой момент.
Но пока я живу. Будто еду
на лошади, а лошади этой нет.
И чтобы это закончилось,
слова достаточно одного...
Но я надеюсь,
мы всё же увидимся до того.

Герда

«Не подходи, - говорит, - Уйди.
У меня осколок внутри — змею на груди
не пригреть никак». И смеётся...
Герда отчетливо слышит, как бьётся
Об ребра Кая остаток сердца,
Ему из груди не сбежать, никуда не деться -
Стучит и гонит по венам топлёный лёд.
Кай свою Герду будто не узнаёт —
Бросает в неё сосульки, толкает в грудь...
Может быть, зря она шла этот страшный путь,
Липла босыми ногами к холодным льдинам...
Мама шепчет врачу: «У нее ангина,
Лихорадка...Не узнает никого и бредит,
Плачет, просит позвать соседей
И мальчика с белыми розами...
Доктор, какие у Вас прогнозы?»
«Скажите Деве Марии, пусть будет милосердна.
Как твоё имя, девочка?»
...я отвечаю — «Герда».

Днепропетровск, Украина

Последний шаг

*Как мелки с жизнью наши споры.
Как крупно то, что против нас.
Р. Рильке.*

Она стояла на крыше двадцатичетырех-этажного дома. Ветер нежно трепал её короткие тёмные волосы, ласково гладил по лицу.

Меня зовут Марина, мне семнадцать лет. С первого дня жизни я была внесена в список неудачников и до сегодняшнего дня в нем остаюсь. Почему до сегодняшнего, потому что именно сегодня свершится то, о чём я мечтаю на протяжении многих месяцев. Наконец-то я сброшу груз болезненного одиночества. Того страшного одиночества и ощущение ненужности, которое начинаешь остро чувствовать в самые критические моменты жизни. И таких моментов в моей жизни было немало. Но начну всё самого начала.

У меня нет ни брата, ни сестры, живу я вместе с мамой. Когда мне было три года, мои родители развелись. Где-то до двенадцати лет папа приходил ко мне, мы с ним вместе гуляли: он водил меня в зоопарк, в кино, цирк. Потом перестал приходить. Женился. Сейчас у него две дочери - Маша и Катя. Я рада за них. У них есть отец и мать, прекрасная дружная семья. Великолепная счастливая идиллия. У меня нет ничего.

Она подошла к самому краю карниза и посмотрела вниз. На земле была обыкновенная человеческая суета. Где каждый думал о том, что он особенный, что в нём единственном скрыта некая тайна. Она смотрела, смотрела и верила в то, во что верил каждый из них. Ей и в голову не могло прийти, что это самообман. Жалкая попытка выделиться из толпы и доказать свою значимость в холодном и бессердечном мире.

В классе я сижу одна, за третьей партой возле окна. Верных подруг у меня нет. Хотя, когда я училась в девятом классе, у меня была близкая подруга, её звали Оксана. Мы много времени проводили вместе, я часто ей рассказывала о своих планах на будущее, о том, что у меня на душе. Мне с ней было хорошо. И, как мне казалось, она отвечала мне такой же искренней и взаимной дружбой. Я не чувствовала себя одинокой. Я была счастлива. Ведь у меня был друг! Человек, для которого я что-то значила. Человек, ради которого я готова была отдать жизнь, как бы громко это не звучало. Я была счастлива в первый и последний раз в жизни. А потом все рухнуло, в одно мгновение. На одной из перемен, случайно войдя в класс, я услышала, как моя лучшая подруга разбалтывает девчонкам мои секреты. Те хохотали, комментировали, всем было весело, кроме меня. Почему я не бросилась на нее и не выцарапала ей глаза, не знаю. Быть может, я просто струсила? Наша дружба кончилась. Мой

«самый лучший друг» вонзил мне нож в спину. Оксана обманула меня, подло, мерзко, вероломно предав. Даже мир преобразился, стал каким-то чёрным, расплывчатым, неопределённым. Я долго не могла прийти в себя. В моей душе нарастала злоба, которая сжигала меня. Появилось отчуждение от мира, боязнь людей. Да, я боялась людей, боялась, что они меня опять растопчут, сделают больно. Но со временем страх прошел. И всё же я рада тому, что теперь знаю - счастье есть. Оно есть, но почему-то очень скоротечно. И понимаешь это лишь со временем, значительно позже. Тогда я очень часто задавала себе вопрос, почему человек и счастье не умеют долго жить друг с другом? Лев Толстой утверждал, что человек создан для счастья, правда, тут же добавлял, все несчастья происходят не от недостатка, а от излишеств. Выходит, человек не знает меры ни в чем, очень часто во всем перебирает, и счастье просто-напросто не уживается с ним. Как всё просто...

Она посмотрела вверх. Какое чистое небо, нет ни одного облачка. Как всё спокойно. Без суеты, беспочвенно. Всё величественно и незыблемо, чисто и прекрасно. А вон и птица летит. Спокойный медленный полет. Полёт на всю жизнь. Наверное, природа обделила человека крыльями лишь потому, чтобы он не привнес на небеса своего беспокойства, суету, мелочность, вероломное сердце, грязную душу.

Свой день рождения, когда мне исполнилось семнадцать лет, я запомнила на всю жизнь.

Раздался звонок, мама сказала, чтобы я открыла дверь. На пороге стояла тётя Маша. - Солнышко моё, ласточка моя. Господи, ребёнку уже семнадцать лет! Алла, ну где же ты? Иди скорей сюда.

Она начала обнимать меня, целовать, тискать. Из кухни выбежала мама.

- Марина, ты ещё не ушла? Тётя Маша, здравствуйте!

Они обнялись, расцеловались, мама взяла сумки и понесла их на кухню.

Тётя Маша удивленно посмотрела на меня. - Мариночка, ласточка моя, куда это ты должна пойти?

- За хлебом.

- Ах, ты Господи, - тётя Маша облегченно вздохнула, - а я-то подумала... Ну, иди, иди.

Я уже начала закрывать дверь, когда она меня остановила, сунув в руку деньги.

- Вот, возьми, купи себе что-нибудь. И погуляй немного. А мы пока с мамой поболтаем, торг испечем. Хорошо, солнышко?

Я тяжело вздохнула. После того, как моей дружбе с Оксаной пришел конец, я очень не любила одна ходить по улицам.

- Конечно, тётя Маша, гулять так гулять. - Ну и правильно, молодец. Иди.

Я вышла на улицу. Было тепло, хорошо, ветерок ласково пробежал по верхушкам деревьев, шелестя листьями, на небе не было ни облачка. Я посмотрела на часы: девять утра. Ну что ж, часа два я как-то должна “убить”. Я

решила пойти в сквер. И это было моё самое роковое решение. Сев на скамейку, я приняла ещё одно роковое решение. Я решила подумать. Если честно, мне нельзя думать. Потому что на душе становится нехорошо, плохо, гадко. Появляется ощущение, что ещё один шаг, и я совершу непоправимый поступок. В такие минуты я всегда вспоминаю Оксану и то, что между нами произошло. Всё-таки, как люди друг от друга зависят и, как тесно друг с другом связаны, у них обязательно кто-то должен быть, они почему-то не могут жить одни. И я не могу. У меня был друг. Хотя нет, это уже не дружба, она нагло и цинично меня подставила, предала. И... Неожиданное воспоминание обрушилось на меня, как лавина с гор, подмывая всё под собой. Я почувствовала, как по спине пополз медленный холодок. И... папа тоже предал меня. Это случилось недели две назад. Мама, как всегда, попросила сходить меня за хлебом. Был уже восьмой час вечера, когда я возвращалась домой с магазина. Вдруг... Совершенно непроизвольно я замедлила шаг. Мне навстречу шёл папа. В последний раз я видела его на своём дне рождения, он пришёл поздравить меня с тринадцатилетием, и хотя с тех пор прошло четыре года, узнала я его сразу. Я стояла так, что не заметить меня было невозможно. Он шёл мне навстречу, рядом с ним шла женщина и две девочки. Он шёл, шёл, шёл и ... прошёл мимо. Я стояла, словно пораженная громом. В глазах был туман, в висках стучало. Я хотела обернуться, окликнуть его, но у меня просто не хватило сил. Мой папа, которого я очень сильно люблю, прошёл мимо меня, сделав вид, что не заметил. Ведь его жена прекрасно знает, что у него есть ещё одна дочь. Мне было так плохо, как не было плохо даже после разрыва с Оксаной. Я не знаю, сколько так простояла и не помню, куда потом пошла. Я всё шла, шла. А в голове стучал молоточек «под колёса, под колёса». Не знаю, почему я не бросилась под машину, что-то удержало меня, может быть, страх, а может и что-то другое. Домой я пришла где-то часов в одиннадцать. Ох, как мама на меня тогда кричала. Я ей так ничего и не рассказала. Зачем? Ещё не хватало, чтобы и она мучилась. Вот и сейчас я плачу. А то, что произошло десять дней назад, разве это не предательство? Я полгода готовилась к спортивным областным соревнованиям, в беге на стометровку. А тут вдруг прихожу в школу, подходит ко мне тренер Валентин Михайлович и говорит: “Ты уж извини, Мариночка, но вместо тебя поедет другой человек”. Как так другой? А, как же я? Я столько надежд возлагала на эту поездку, столько бессонных ночей провела в мечтах. Даже страшно теперь подумать, начала считать себя удачливым человеком. И всё, всё было уничтожено в мгновение ока! Сидя на скамейке в сквере, который так некстати оказался рядом, я вспоминала всё, что произошло со мной за последний год, и стало очень больно, нехорошо. Все пережитые чувства и воспоминания нахлынули на меня со страшной силой. Вот она боль. Боль, которая живёт внутри тебя и постепенно

тебя пожирает. Она всё жрёт, жрёт. Да чтоб ты подавилась! Я резко вскочила и побежала. Один шаг, меня всегда отделял всего лишь шаг. Я вбежала в первый попавшийся подъезд и побежала по лестнице вверх, на крышу. В сущности своей я всегда была одиноким человеком. Возле меня никогда никого не было. Я была никому не нужна, ну, значит, и мне никто не нужен. Медленно подходя к краю крыши, я начинала уже раскаиваться в своём поспешно принятом решении. Я подошла к карнизу и посмотрела вниз. Не знаю, сколько так стояла, но всё же успела представить свою смерть. И мне вдруг стало страшно. Чего же я боюсь? Ведь я так долго об этом мечтала. Уф, как же высоко! Это сколько же придётся лететь? А интересно, больно будет или нет? Наверное, да, ведь я же ударюсь о землю. Ой, мамочка! Высота манила, зазывала: «прыгай, прыгай, чего же ты ждешь?» Я вся задрожала и почувствовала, что начинаю поддаваться этому зову. И тут... Я не знаю, как это произошло. Ведь я же не хотела, совсем не хотела. Я хочу жить! Жить хочу! Я дико закричала, отчаянно цепляясь за воздух и пытаясь хоть как-то удержаться. Не знаю, как это у меня получилось, но я осталась жива, не потеряв своей способности к бегу. Я пулей вылетела из подъезда. Не помню, сколько бежала, помню только, что очень долго сидела на какой-то скамейке. Я задыхалась, вся дрожала, а моё бедное сердце просто выпрыгивало из груди. Я сидела, сидела, сидела. Хлеб! Я же должна купить хлеб! Совсем забыла. Я истерично рассмеялась, а потом заплакала. Я попыталась встать со скамейки, но у меня ничего не получилось. Ноги не держали. В глазах был туман, в висках стучало, а в воспаленном мозгу крутилась какая-то болезненно тупая мысль: “Я должна купить хлеб. Я должна купить хлеб”. Всё же мне удалось встать и, я пошла в магазин. Вокруг меня куда-то спешили люди, торопились на работу, видимо. Я ничего не видела, ничего не слышала. Во мне была пустота, какое-то бессилие. Я так и не поняла, что со мной произошло.

Она опять посмотрела вниз. Всего лишь шаг, один шаг, и он будет последним, а дальше... бесконечный полёт. Полёт навсегда. Ведь чтобы летать, не обязательно иметь крылья.

Не знаю, что заставило меня поднять голову и посмотреть вверх. Я проходила мимо самого большого дома в нашем городе, двадцать четыре этажа, это ведь не девять! И то, что я увидела, а я увидела совершенно отчетливо человека на крыше, заставило меня остановиться. Я почувствовала, как на моей голове зашевелились волосы. Он падал, очень медленно падал. Человек упал в нескольких метрах от меня, и я увидела, что это женщина, а может девушка, не помню. В тот момент я знала только одно, она сделала то, что недавно пыталась сделать я.

Я бежала, бежала домой, к маме, к тёте Маше, и в моей душе рождалась дикая, непонятная радость. Ведь я же жива! Жива!

Наташа СЕВЕРНАЯ

Нелла Волконская

МУЖУ

Никогда ни о чем не загадывай,
В сердце будущему не заглядывай,
На хранение писем не складывай,-
Разжигай лучше ими печь.
И хоть веером карты раскладывай,
И хоть руки на сердце накладывай,
И хоть под ноги милому падай,-
Для себя его не сбережь.
Будет глазом косить и странствовать,
Пропадать будет, будет пьянствовать,
Будет врать тебе, будет властвовать,
Будет спрашивать:”Где была?”
Ты платком, как судьбою, обвяжешься,
Ты детьми, как цветами, обсядишься,
Ты свой голос надсадишь,-
наплачешься,

Ты закусишь при нем удила...
День придет - и на кладбище дальше
Ты приедешь к нему на свидание,
У могилы, цветами обставленной,
Помолчишь.И припомнишь тот путь.
И слеза побежит непрошено,
И твердить станешь:

“Был хорошим он”,
И на кладбище на заброшенном
Спросишь Господа:
”Как все... вернуть?!”

Рэне Одуванчик

Пушкинская Осень в Одессе
графоманские зарисовки

6.30

Словно месяц из тумана,
Как принцесса - на балкон,
Будто черный птах - в нирвану
Благодатью из икон -

Входит в новый день Одесса,
Обволакивает нас,
Смотрит с бодрым интересом,
Открывает третий глаз -

И сверлит нам сахасрару,
И впивается в судьбу,
Посвящает с пылу с жару
В свой густой тумано-пук.

Как мы смеем? Как сумели
Оказаться в чьём-то сне?
Ну, почти как в чьём-то теле,
В чьей-то прожитой весне...

8.30

...Бродит осень по аллее,
И от топота копыт
День грядущий всё алее.
Всё пронзительней, смелее
Утро сказку говорит.

Нету верха, нету низа -
Только облако везде.
Я балдею, как актриса
В новой роли. Нежный день

Зреет, соком наливаясь,
В росном воздухе вися.
Возникает там и сям
Будущих событий завязь.

На дрожащем на мосту
Проявляются перила,
Краны ищут высоту...
Что бы я ни говорила -

Всё невзрачней и бледней
Всемогушего Рассвета...
Стайки крыш, как горстки дней,
Доклевали крошки лета.

На балконе - табурета
Одиночество сидит.
Узнаю себя поэтом,

Пробую проснуться. Где там!
Пробую смеяться. Где там!
И в кармане нет билета,
В пятках вспыхивает стыд:

Знаю: каждый одессит
Шут, хитрец и эрудит.
...Может быть, ведет к победе
Знание энциклопедий?
...Я гляжу на табурет -
Он - циклопом - мне в ответ.
До чего меня заносит
Муза Графоманин!
Кто же корчится в вопросе
В это утро раннее!?

9.00

Вот и солнце! Осветило
Выпендрейнейший дворец.
Воронцовское светило
Смотрит кротко, как мудрец.

Так роскошно одиноко,
Так улётно глубоко -
Хочется своё барокко
Бросить в небо высоко,

Улыбаются каштаны,
Дарят шарики, тоску.
Превращаюсь в Одувана
И бегу, бегу, бегу...

В будущее? Громко сказа-
но, скорее таки да.
Я невнятна от экстаза,
И почти - Сковорода.

Ловит мир - поймать не может,
Разевается сачок...
Не узнает! Я моложе
Стала вдруг на... Нет, молчок.

(Да, туманом умываться
Здорово! - твердит народ,
Пастернаково пространство
Ветренно в порту поёт.)

А вокруг такие пары!
Аж неловко о себе.
Скрипки, флейты и гитары,
И литавры, и фанфары,
Тёти Сони, тёти Сары,
В мелкой дрожи тротуары,
Разноцветие Базара,
Неуверенного Дара
Чуть рифмованный побег...

...Ах, была б я поэтессой
Золотою, как Одесса!!!
Все б меня взахлёб читали,
Гладили по голове...

12.00

Ах, прости понос словесный,
Мой читатель, друг прелестный,
Мой разгуд прости!

Ах, заткни мне ротик песней,
Звонче спой и интересней,
Выветри мой стих

Бурей своего сознания,
Солнцем сердца своего,
Гладкой твёрдостью каштаньей
Или воспомни волшебство:
Преврати мою водичку
В кисло-злое Каберне.
Только выпив, станешь птичкой
Или кошкой. Иль умней.

День поспел! Он винограден!
С информацией зари,
С нами - влажными - внутри
Он, как осень, беспощаден,
Исчезаю:
Раз, два, три...

Продолжение следует...

“ПИИТЕР”

В ЛИТО «ПИИТЕР» больше ста участников. Продолжение рассказа об авторах этого объединения было неизбежно. Подробно о работе ЛИТО рассказано в 20-м номере нашей газеты. Сегодня читатель может познакомиться еще с некоторыми авторами.

Галина ИЛЮХИНА

Родилась в Ленинграде, по образованию юрист. Член бюро секции поэзии Союза писателей Санкт-Петербурга, член Российского союза писателей. Секретарь литературного клуба «XL», автор и куратор литературных проектов «Город Мастеров», «Невская перспектива» и др. Один из организаторов ежегодного литературно-поэтического фестиваля «Петербургские мосты». Финалист VI Международного литературного Волошинского конкурса (2008) Лауреат независимой литературной премии «Молодой Петербург» в номинации «Поэзия» (2009). Составитель поэтической антологии «Аничков мост» – первой книги серии «Петербургские мосты».

Печаталась в журналах: «Интерпоэзия» (2006, 2009, Нью-Йорк), «Петербург на Невском» (2007, СПб), «Изящная словесность» (2009, СПб), «Новый берег» (2009, Копенгаген), «Бельские просторы» (2008, Уфа), «ШО» (2009, Киев), «Северная Аврора» (2010, СПб); в антологиях и сборниках: «Формация» (2008, СПб), «Аничков мост» (2010, СПб) «ANNO» (2005 и 2006, СПб), «Транслит» (2006, СПб), «Молодой Петербург» (2009, СПб)

Автор двух книг «Пешеходная зона» (2006, СПб) и «Ближний свет» (2010, СПб) Живет и работает в Санкт-Петербурге С 2006 года участник и редактор ЛИТО «Пиитер» .

ОДНОКЛАССНИКИ. РУ

Наш маленький север,
наш быт комариный –
здесь узок простор и прослойка хила.
Как ты изменилась, Марина, Марина,
какая чума тебя так довела?

Каких же отведала в жизни отрав ты,
какое несчастье случилось с тобой?
Смотри, как туманится в зеркале правды
блуждая в руинах, твой взор голубой.

А там, за спиной – такие красоты,
такие блестят заливные луга...
Не плачь, дорогая, ну что ты, ну что ты,
не думай о прошлом – и вся недолга.
Да, всё это было, ах, что это было,
и кто это рядом в знакомом плаще?
О, зеркало правды, румяна-белила,
зачем этот свет, уберите вообще!
Добро ли встречаться подругам старинным
ни в чем не лукавая, ни в чем не солгав?
Мы встретимся снова, Марина, Марина,
при свете – сияющем, ультрамаринном, –
дай бог, чтоб не скоро – в тех самых лугах.

Птичий февраль

Каменная мерзлая земля.
В две доски последний потолок.
Ветер подхватил и поволок
перышко по небу февраля.
Ну, когда же поп за упокой
стылыми губами добуднит?
Холодно до степеней такой,
кажется, вздохнёшь – и зазвенит.

Топчемся у ямы на краю,
тупо коченея на ветру.
Спи спокойно, баюшки-баю,
отлетая в божью дыру.

А внизу – заснеженный погост,
птичьих лапок лёгкие кресты.
Все мы, если смотришь с высоты, –
семечек рассыпанная горсть.

Ветер

Первый ледок ломается с хрустом,
солнце не греет, осень горчит.
Все как обычно, глупо и грустно:
девочка плачет, мальчик молчит,
стонут качели жалобно-ржаво,
счастья кораблик сорван с петель.
Что там про шарик пел Окуджава,
вот и накаркал – шар улетел.
Ветер лохматит гнезда вороны,
небо на нитке рвется из рук,
девочка-ветка, плащик-болонья -
маленький парус первых разлук.
Мальчик-молчальник в курточке куцей,
клёны полощут небо в сети,
он улетает, чтоб не вернуться,
девочка плачет, чтобы расти.

Ольга ХОХЛОВА

Родилась в 1977 году, живет в Санкт-Петербурге. Служит директором в детском интеграционном театре.

Лауреат премии им А.А. Ахматовой (2009), дипломант Волошинского конкурса (2009), победитель Турнира поэтов в Коктебеле (2009), финалист конкурса им. Н. Гумилева нескольких лет. Публикации в антологиях: «Стихи в Петербурге. XXI век» (2005), Платформа; «Петербургская поэтическая формация», 2008, Лимбус-пресс и во многих сборниках.

Автор книг стихов «Транзит» (2005, Геликон), «Книжка с картинками для поэтов и детей» «2008, Скифия»).

Член Союза писателей Петербурга и Союза российских писателей. Участник с 2002, редактор лито «Пиитер» с 2006 г.

* * *

Всё кончается
рано ли, поздно,
всяко поздно жалеть.

Между нами кончается воздух,
начинается смерть

Начинается длинная песня -
мелких титров финал.
Список всяческих «если»,
о которых заведомо знал.

Тонкой ниткой протяжной,
точно пробуя нас на разрыв,
наших блазней и блажей
сумасшествия объединив.

Тонко мучая, словно
злую рыбку недобрый рыбак,
случай ловит на слове,
словно сразу задумывал так -
яркой ссадиной свежей
по холсту,
что пока еще бел -
болевым, неизбежным,
первым помыслом не о тебе..

* * *

Или туман, или просто - кругом вода,
мне не по росту твой город -
я слишком мал.
Злые трамвайчики красные
скачут туда-сюда.
хитро петляют, выскальзывая из-за угла.

Некому за руку взять, отвести в кино,
в цирк, в зоопарк, неважно -
смотреть слона;
в лоб целовать, заваривать чай с малиной,
когда больной,
уха касаясь, произносить слова,

Я задыхаюсь в погоне за новым днем,
сбиты колени, ссадины на локтях.
Не помогай мне, я догоню потом.

Встретимся в сплетнях.
Свидимся в новостях.

Ты там случишься правильным и большой,
в чем-нибудь черно-белом, слегка небрит.
Я удивлюсь, что - ты так давно прошел,
а до сих пор знобит..

* * *

Страшная штука -
крымская пытка счастьем,
мальчики босоногие, татарчата,
берег болтает с морем - прилив-отлив,
окаменевшие пристани проглотить.

Кожа плеча предательски горяча,
разве возможно не верить таким вещам?
Темным глазам -
приспешникам черных рун,
даром, что их владелец заправский врун.

Только твоей улыбке, губам твоим,
соли, полыни, призракам, нам двоим,
так не похожим на здешний
кагальный Крым.

Ветер взъерошит волосы и - айда,
что мы увозим разные города?
Долгие разговоры, короткий взмах,
море, еще не обсохшее на губах.

Евгений АНТИПОВ

Родился в 1958 году в Ленинграде. По специальности – архитектор. С 1989 года – член молодежной секции, с 1991 года – член Союза художников СССР. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей, автор шести книг, эссе, исторических расследований, теоретических и публицистических статей. В 1980-е годы – староста литературного объединения Виктора Сосноры.

В настоящее время – куратор литературного клуба «XL», член оргкомитета ежегодного литературного фестиваля «Петербургские мосты», президент «Ассоциации творческих объединений».

С 2009 года участник ЛИТО «ПИИТЕР».

НОЧЬЮ

Лампа грела интерьер:
стол и стул. На стуле,
будто пленный интервент,
он сидел сутулясь.

Это крах или игра –
он висок (не дурно:) словно дулом,
подпира л пальчиком скульптурным.

Он смотрел нехорошо
трезвыми глазами.
Шевелил карандашом,
ноготок кусал он.

Чиркнет и опять туда
смотрит: звезд, как грязи.
Там огромная луна.
Не луна, а праздник!

Что вынюхивал? Зачем?
На кого работал?
Чей он был агент? Ничей?
Просто так? Ну то-то.

Все сидел, капризный. Ночь
двигала светила.
Одинок, не признан, но
грифелем водил он.

И поставил точку – здесь.
Встал, пошел. (Зевал он).
... Две минуты на листе
что-то доживало.

* * *

...Спохватился, рыпался,
(сам же и просил) –
выпало, так выпало.
Господи, прости.

Вот вам, люди мирные,
изобилье строк!
Смог же, сублимировал.
А потом не смог.

И давай отплясывать
«яблочко», фристайл.
И сопротивлялся ведь,
да потом не стал.

Ой, в горячке беленькой,
возводя курки,
все шептал «два берега
у одной реки».

Ни за что их матом, их,
мирных, ни про что,
и глаза, как маятник.
Но потом прошло.

Елена Чач

Родилась в 1986 году в Омске. Получила историческое и математическое образование. Аспирантка исторического факультета СПбГУ. Участница различных литературных встреч, фестивалей, семинаров и конкурсов, в том числе V, VII и IX Форумов молодых писателей России, финалист всероссийской ежегодной литературной премии им. Ильи Тюрин, стипендиат Российского Фонда культуры (2007), лауреат омской литературной премии им. Ф.М. Достоевского. Автор трёх поэтических сборников, а также публикаций в изданиях Омска, Красноярска, Иркутска, Ижевска, Кемерово, Чернигова, Киева, Москвы и Санкт-Петербурга. Член Союза российских писателей. Участница ЛИТО «Пиитер» с 2009 года.

* * *

Пробуждается море...
море во мне, когда
эта осень стоит бродягою во дворе.
Будто скальд ударил по струнам,
и певчая слепота
проникает сквозь стены, не находя дверей.
И случайные мысли уходят на глубину.
Крики чаек – голод
живущей во мне тоски.
И, взглянув в глаза отражению, не пойму:
это всё со мной или, может быть,
с кем другим?
И сбивается ритм...

это море среди камней,
всё седое от пены,
как скальд, говорит со мной.
И опять не пойму: если это дано во сне,
почему обрывается режущей тишиной?
Отступают волны, вмиг обнажая дно,
камни, водоросли,
монетки «на счастье», незрячесть духа...
и от встречи с морем остаётся всегда одно:
сны, где речь выходит
из берегов слуха.

* * *

Не обманешь себя –
этот колокол плачет о нас.
Его льдистая речь состоит
из надтреснутых гласных,
его гулкая речь возвещает
то траур, то праздник,
где смыкает уста золотая,
как мёд, тишина,
где молитва проста,
как ломоть монастырского хлеба,
где несут тонконогие кони
Бориса и Глеба.

Дмитрий БОГАТЫРЕВ

Родился в 1975 году в Петропавловске-Камчатском. В Санкт-Петербурге живет с 1987 года. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения и работает по специальности. Призер (2006 и 2007 гг) и победитель конкурса им. Даниила Хармса 2008 года. Стихи публиковались в журналах «Питерbook» (1997), «Нева» (2004), «Интерпоэзия» (2004), «Северная Аврора» (2010), в альманахах ЛИТО «Пиитер» и др. поэтических сборниках.

Участник ЛИТО «Пиитер» с 2000 года.

* * *

Древнекитайская поза
Цинического изумления,
Почтительного недоверия,
Царственного негодования,
Обильные запасы продуктов на зиму,
Сдобренная внуками
обеспеченная старость

Античная сцена
Трепетной нежности,
Холодной гордости,
Полночного безумия,
Огненная колесница,
катящаяся по небу,
Снежок, скрипящий
под полозьями саночек.

Мыльная опера
Трогательной заботливости,
Изошренной наблюдательности,
Оскорбленного самолюбия,
Тонкие пальчики в несокрушимом жесте.
Дохлые соколики с незаметной песенкой.

* * *
Все должны быть добры,
веселы и беспечны;
Деловиты, успешны; прижаты к стене,
загнаны в угол, испуганы – вечно
Испуганы. Дело к весне,
Стало слишком светло,
тебя слишком заметно,
Все замечают тебя, ты у всех на виду;
Все должны быть добры,
веселы, безответны,
Раздражительны, скованны; спать на ходу,
Ухмыляться в усы, улыбаться украдкой,
Без обеда работать, без просыпа пить;
Все должны: быть добры,
колотиться в припадке;
Все должны быть добры;
Все добры должны быть...

Острый голод

Здоровью моему
Полезен острый голод,
А крепкому уму –
Когда весь лоб расколот,
Поэтому терплю
Сегодня без обеда,
Большому кораблю –
Большая и торпеда,

Дмитрий ГРИГОРЬЕВ

Родился в 1960 году. Окончил химический факультет Ленинградского университета. Работал лаборантом, бетонщиком, плотником, мозаичником, художником-оформителем, мойщиком окон, оператором газовой котельной, редактором, копирайтером. В 80-х публиковался в самиздате, в том числе в ведущих самиздатских журналах «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал» и др., с начала 90-х в журналах «Арион», «Воздух», «Черновик», «Нева», «Звезда», «Дружба народов», и др. Автор книг «Стихи разных лет» (1992), «Последний враг» (1994), «Перекрестки» (1995), «Сторож ночи» (1996), «Записки на обочине» (2000), «Господин Ветер» (2002), «Огненный дворник» (2005), «Другой фотограф» (2009) и др.
Член Союза писателей СПб и Союза российских писателей.
Участник ЛИТО «Пиитер» с 2009 года.

* * *
Мы живем на окраине,
где дома, словно льды,
обрываются в лес и плывут не спеша,
где западный ветер приносит слова,
а ветер восточный приносит дым,
и труднее дышать...
Мы живем в городе, похожем
на упавшую птицу,
возле болот на самом кончике её крыла,
наше время за темной стеной из стекла
в бутылке пивной пузырится,
которую принесла
Каменка-речка, петляя в лесах и полях,
где другая вода и другая земля.

* * *
Ребенок кричит,
словно в нём поселилась чайка,
у дедушки в ухе дятел стучит,
у девушки на голове кукушка.
То ли птицы людьми заболели,
то ли люди – птицами,
не поможет Айболит
от птиц отцепиться,
вот в старухе у дверей
завелась ворона,
и сороками трещат
тетки на балконах,
а придет моя пора,

Бога попрошу я
поселить мне в сердце
птицу небольшую –
воробья иль соловья –
пела в нём душа моя.

* * *
Брат мой сделал чёрное дело -
плывет по реке прекрасное тело:
Озирис в ящике расписном,
в деревянной лодке с хрустальным дном,

белые пятна заполнились красным,
река потемнела, солнце погасло,
бревна скользкие до тошноты
мне уже не связать в плоты,

а вода густая, как нефть, несёт
разлитый над полем заката йод,
и пьяный на пристани хрипло поёт
про какой-то чудесный плот.

Наиля ЯМАКОВА

Родилась в 1982 году в Ленинграде. Живет в Санкт-Петербурге. Учится на факультете журналистики СПбГУ. Работает в издательстве «Геликон Плюс». Лауреат премии Российского Сетевого литературного конкурса. Лонг и шорт-листы литературной премии «Дебют» (2004, 2005 и 2006).
Около 50 публикаций, в том числе в журналах: «Арион» (2003), «Нева» (2004, 2005, 2007), «День и ночь» (2006), «Интерпоэзия» (2007), в сборниках и антологиях: «Стихи в Петербурге. 21 век», Платформа. 2005; «Петербургская поэтическая формация». СПб. Лимбус Пресс, 2008; «Аничков мост», СПб. Любавич, 2010, и др. Автор книг «Приручение» (2006) и «Держи в руках» (2009) - обе «Геликон Плюс».
Участник ЛИТО «Пиитер» с 2002 года. В 2004-2006 гг была членом редколлегии.

В самолете

*Пассажирам регулярного рейса
Петербург – Рим*

Когда ты кофе пьешь над облаками
И мимо проливаешь молоко,
Господь, дрожа неловкими руками,
Щеки и лба касается легко.

Весь мир сдвигается немного вправо,
Еще правее – и почти Катень,
Но ты живешь, ты не имеешь права
Остаться в темноте один.

Там хлопнет дверь, там молоко прольется,
Там сто солдат идут на сто солдат,
И твое сердце так истошно бьется,
Как будто бы в груди набат.

Под облаками, в Вене и в Варшаве,
В Стокгольме – там, отсюда далеко
Такой же, как и ты, –
живой, тупой, шершавый –
Всё мимо проливает молоко...

Июнь

Так белый день течет неумолимо,
Что страшно просыпаться и вставать.
И кажется, рукой подать до Рима,
А до тебя — рукою не подать.

На улице кричат чужие дети,
По капле утекает белый день.
И никого на целом белом свете.
Как в обморок, я падаю в сирень.

Я эту для себя не выбирала,
Зато теперь другая не нужна.
Как к вечеру всего преступно мало.
Как эта жизнь божественно страшна.

Смешно теперь выпрашивать иную.
Ведь все уже давно predetermined.
В предсмертной судороге, в роковом июне
Сирень ко мне бросается в окно.

Светлана Грунис

Родилась в г. Казани. Закончила физический факультет Казанского государственного университета. Печаталась в журналах «Казань», «Казанский альманах», в газетах «Магариф», «Выбор», «Пенсия и жизнь», «Анием-мама», в альманахе «Ковчег» (ЛИТО «Белая ворона»), в сборнике стихов «Откровения». Автор двух книг: «День цветоприниошения» (хокку), «Душа поэта, как открытый нерв...».

Прошедших будней панораму
Мне память часто выдаёт
И заунывно, будто в гамме,
Скользит по ней: назад – вперёд...

Где чувства, что звучали - forte?
Где vivo- presto - прежний темп?
В piano - слышатся аккорды
Во днях, похожих на - refrain.

Движенье жизни в - moderato,
Crescendo - длится ровно такт,
Лишь сердце бьет в груди - staccato,
Душа же просится... - в антракт.

Поэт

Ходил, дышал, любил, мечтал,
Творил, корпел, потел, старался,
Учился, думал, ждал, страдал,
Бросал, писал – публиковался!..

Не брал, не видел, не сидел,
Не крал, не бил, не привлекался,
Не знал, не спал, не ел, не пел,
Не пил, не жил – не наслаждался...

* * *
Я разменяла жизнь на мелочь:
На беготню и суету,
И с этим надо что-то делать –
Вернуть из юности мечту?

Иль, может быть, еще не поздно
В судьбе поставить себе цель,
К ней плыть под парусом упорно,
Не опасаясь сесть на мель?

Недавно был судьбы экватор,
И вот уже полярный круг,
Принёс меня к нему фарватер,
И волос белым стал от вьюг.

Передохну в суровом крае,
Оставив лодку на плаву,
Дождусь, когда вокруг растает,
И дальше к цели поплыву...

* * *
Родители уходят,... мы взрослеем,
Взрослеем сразу, быстро, на года,
Глухой тоской от расставанья веет,
И рвется нить из детства навсегда.

Теперь от них я не услышу: «Дочка,
Родная, как идут твои дела?...»
Поставлена безжалостная точка
На той любви, которой я жила.

И будто за спиной ослабили крылья,
Стал затрудненным жизненный полёт,
А отчий дом – безмолвным и пустынным –
В нём эхо безответное живёт...

Хокку:

Мороз на окнах
рисует ветви елей –
скоро Новый год...

* * *
У зимы
кладовые – с серебром,
у осени – с золотом...

* * *
Подснежник
шубку не снимает:
холодно на проталинке...

Сергей Ушаков

Родился в 1964 г. в Оренбурге, в 1983 г. закончил Оренбургское художественное училище. С мая 2008 г. публикуюсь на сайте стихи.ру под ником Йегрес Вокашу, а также на сайте Графоманов. нет, Поэзия.ру Являюсь членом ассоциации поэтов Урала (Ural poet association)

Примитив

Сумрачный мир
коммунальной квартиры.
Серая комната, вид из окна...
Старая бабка рисует картины
после того, как осталась одна.
Может, рехнулась? Такое бывает.
Красками пахнет.
Соседи ворчат...
- Эй, Пикассо, отзовись, ты живая?
- Лучше б вязала носки для внучат...
Бабка рисует – мечтает о прошлом,
быль сочиняет и верит сама.
Прошлое стало, внезапно, хорошим,
нежно щемящим, сводящим с ума.
Сами собой возникают сюжеты –
незабываемых дней коллажи,
словно из темени яркий прожектор
выхватил то, чем она дорожит...
Слух разлетелся по городу быстро:
мол, самородок... четыре кило...
...Пресса, музейщики, специалисты
по изучению свойств... НЛО...
- Вы испытали влияние Шагала?
Тот же рисунок, настрой, колорит.
- Что ты, милоч,
это раньше – шагала,
нынче хвораю, проклятый артрит.
Вышла заметка в районной газете:
«Жизнь – это сказка!
Любовь – лейтмотив!»
В рубрике:
«В старости люди, как дети»
«...Мило, забавно, хотя – примитив».

Спички

Летели дни.
Беспечно, по привычке
Я их бросал бесстрастно в темноту.
Сгорали дни
Легко – подобно спичкам
И остывали прямо на лету.
Я – Прометей?
Давно ни к чёрту печень.
Терзал орёл?
Нет, виноват «Нарзан».
Перед людьми оправдываться нечем.
Перед собой?..
– недавно завязал!
Я – полубог?
Я создан по лекалам,
По образу, подобию Его...
Но сам себя приковываю к скалам,
Порой не понимая, для чего.
А может быть взорвать
на щебень горы,
И вымостить дорогу? (прямо в ад...) Смешно сказал. От юмора умора,
Но почему-то я не очень рад.
Я стал сентиментальней и старше,
И жизнь свою, шутя, держу в руке...

Она подобна спичкам, что сгорели
И спичкам,
что остались в коробке...

Булавка Буля

В матушкиной шкатулке, среди ниток, тесьмы, лоскутов, катушек, наперстков, подушечек с иголками, крючков, кнопок и кнопочек, между разноцветных пуговиц и остального самого чудесного проживало семейство английских булавок. Всего их было тринадцать штук. Но никому и в голову не приходило когда-нибудь объединить английские булавки общим числом. Все говорили, что в матушкиной шкатулке, конечно, живет - дюжина (то есть двенадцать) булавок и еще одна.

Почему бы? А вот, послушайте...

Двенадцать английских булавок - характером истинные британцы: блестящие, гибкие, надежные и невозмутимые. Тринадцатая - булавка Буля - с изъяном. Острая булавочная нога была слишком изогнута, не попадала в замок. Да так, что булавка Буля не могла застегнуться. Одни считали, что этот недостаток от рождения, другие уверяли, что он приобретен в тяжких трудах на благо человечества, третьи вспоминали о стычках, дуэлях, засадах и погонях, где всегда найдется дело для английской булавки.

Сама матушка была портнихой. Каждый день крышка ее шкатулки открывалась, население отправлялось на службу. Вместе со всеми - дюжина английских булавок: невозмутимые, гибкие, надежные и блестящие. Булавка Буля - тринадцатая - оставалась на дне шкатулки в единственном числе.

К вечеру жители возвращались в шкатулку. За исключением пуговиц, ниток, и цветных лоскутов, которые понадобились

для одного из новых платьев. Считалось большой удачей найти себе место на таком платье. Впрочем, дюжина английских булавок возвращалась всегда, и это представлялось еще более почетным.

- По-видимому, мы - особенно необходимы в процессе кройки и шитья, - цедили сквозь стальные зубы британцы. - Наверное, матушке без нас никак не обойтись! между прочим уверяли они, и остальные с завистью соглашались.

Тем с большим удовольствием не особенно нужные остальные смеялись над Булей, которая казалась не нужной совсем.

- Кусок бесполезной проволоки! - морщились цветные лоскуты. - Хромоножка!

- Старье! - усмехались пуговицы. - Твое место в мусорном ведре!

Буля искренне переживала. Но про себя, не вслух. Она была родом из Англии, где каждый умеет хранить самообладание при любых обстоятельствах, тем более не показывать свою слабость. Но стальное сердце Були было ранено. Из-за этого булавка тускнела, теряя металлический блеск.

- Держись от меня подальше, - хмуро сказал ей наперсток.

- Ты начинаешь ржаветь, а ржавчина - зараза привязчивая.

Однажды в матушкин дом припожаловал профессор Пузиков. Он пришел на примерку нового фрака. Дело в том, что профессору давно было пора вручить премию или орден за выдающиеся успехи. Это могло произойти каждый день, а подходящего фрака для такого торжественного случая у господина ученого не было. И вот он сидел за столом, и, в ожидании примерки, угощался чаем, рассказывая матушке о по-

следних достижениях в науке и технике. Вдруг в комнаты влетел удивительной красоты мотылек: с желтыми крыльями, черным рисунком и нежной розовой каймой по краю каждого крыла.

- Какое счастье! - обрадовался профессор.

- Да, - согласилась матушка. - Мотылек и в самом деле прекрасен.

- О! - воскликнул профессор, и бросился в коридор за шляпой. - Именно такого желтокрылого с черным рисунком насекомого не хватает в моей коллекции бабочек и мотыльков! - и он стал махать шляпой, пытаясь поймать мотылька.

- Пожалуйста, не надо! - просила матушка.

- Оставьте его, он такой красивый!

- Моя коллекция самая крупная в стране... - нервничал профессор, гоняясь за мотыльком, сбивая стулья.

- Поймал! - крикнул он, накрыв насекомое шляпой.

- Вместе с этим экземпляром моя коллекция станет крупнейшей в Европе! Скорее булавку... - просил он матушку, сжимая в толстеньких пальцах мотылька удивительной красоты.

- Дайте булавку!

- Зачем вам булавка? - спросила матушка.

- Чтобы раз и навсегда насадить на нее этот потрясающий экземпляр, украшение коллекции.

Не хотелось матушке, но, открыв шкатулку, она подала профессору Пузикову булавку Булю.

- Вот, - сказала она.

- Другой свободной булавки у меня нет.

- Чудесно... - сказал профессор.

- Мне подойдет любая.

Взяв Булю в правую руку, профессор

гушонок даже квакнул от удовольствия. Вот бы на болоте такую жизнь устроить! Он так внимательно наблюдал за всеми, что и не заметил, как приблизился вечер.

Солнышко опустилось ниже. Лягушонок решил, что пора поговорить с ним и громко заквакал:

- Солнышко! Солнышко, не уходи! Поговори со мной, солнышко! Мне нужна твоя помощь!

- Что случилось, малыш? - удивилось солнце.

- Солнышко, мне плохо без тебя. Мое болото очень сырое и темное. Помогите мне! Освети его своими лучами. Принеси нам тепло и праздник!

- Ты уверен, что я нужно тебе?

- Да, да, конечно!

- У вас на болоте много слез и бед?

- Нет.

- У вас на болоте мало еды?

- Нет.

- У вас болят малыши?

- Нет.

- Зачем тогда я тебе?

- Я хочу, чтобы у нас было так же красиво как здесь, чтобы никто не мог сказать, что болото противное и мерзкое, чтобы...

- Постой! - нахмурилось солнце. - Да, я освещаю землю, приношу тепло и радость, но я могу принести и беду. Я могу высушить твое болото. И тогда умрут все, кто в нем живет. У вас не станет еды, воды, погибнут водоросли, и вырастет трава. Болото станет поляной, но уже никогда не будет болотом.

- Никогда-никогда?

- Да, никогда! Ты хочешь этого? Ты, действительно, этого хочешь?

- Я не...я не знаю, что тебе ответить, солнышко. Я не хочу, чтобы болото стало поляной. Я хочу, чтобы болото стало другим.

- Но зачем? Подумай, малыш, действительно ли плохо жить там, где ты жил?

- Но у нас нет света и тепла!

- Это неправда! Свет живет в твоём сердце. Ты любишь свое болото? Любишь маму? Тебе весело играть с друзьями, общаться с соседями?

Ты их любишь, и они любят тебя. Тебе приятно возвращаться домой, потому что там есть тепло любящих сердец.

- Верно! Значит...

- Значит, твое болото самое прекрасное место для тебя. Это твой дом, и ты должен хранить его от бед. В мире много прекрасных мест. Кто-то живет в болоте, кто-то на море, кто-то на такой же поляне, но всех объединяет одно - тепло любящих сердец. Твой дом там, где тебя любят и ждут.

- Кажется, я понял! Я очень хочу домой в мое болото!

- Что ж я - рад! Удачи тебе, малыш, и не забывай наш разговор. Свет и тепло живут внутри тебя!

Лягушонок со всех ног спешил домой, где его ждала мама. Его уже не радовало пение птиц и жужжание пчел. Он хотел увидеть ленивых червей и веселых стрекоз. Увидеть

прицелился, чтобы уколоть желтокрылого мотылька прямо в грудь. Но английская булавка Буля знала, как это больно, когда у тебя ранение в груди, даже если грудь - стальная, а не такая мягкая и пушистая, как у желтокрылого мотылька. И вместо того, чтобы уколоть насекомое, Буля уколола толстенький палец профессора Пузикова.

- О-е-ей! - закричал профессор, взмахнув рукой (а желтокрылый мотылек, оказавшись на свободе, взлетел к потолку). - Ах ты, мерзкая булавка! - возмутился господин ученый, и, размахнувшись, бросил Булю в раскрытое окно.

Вслед за Булей вылетел в окно и удивительной красоты мотылек: с желтыми крыльями, черным рисунком и нежной розовой каймой по краю каждого крыла.

Вот и все. А кому интересно, замечу еще, что эту историю начал рассказывать мне желтокрылый мотылек, когда я, прогуливаясь в саду, нашел на тропинке поблекшую английскую булавку с изъяном. Острая булавочная нога была слишком изогнута, не попадала в замок, да так, что никак не могла застегнуться. Таким образом, мы познакомились с Булей. А когда мотылек, рассказав историю, улетел, я решил взять с собой такую замечательную булавку. Дома я почистил ее и, отдав мастеру, распорядился починить ногу. После чего, отправившись к ювелиру, попросил украсить Булю цветным драгоценным камешком. Получилась чудесная брошка. Ее-то я и подарил матушке вместе с сегодняшним рассказом.

Михаил СТАРОДУБ
г. Москва

Лягушонок и солнышко

Жил да был на одном болоте маленький лягушонок.

Он совсем недавно появился на свет и поэтому задавал окружающим много вопросов: откуда капает дождик? Где живет луна? Почему червячок ползает, а не прыгает?

Мама-лягушка и соседи - лягушки и жабы - терпеливо отвечали на расспросы малыша. Правда, порой не на все вопросы можно было ответить, и тогда лягушонок забирался на большой камень, у края болота, закрывал глаза и представлял себя птицей. Он часто видел, как те пролетают мимо и завидовал тому, что они могут видеть весь мир.

- Наверное, мир такой же прекрасный, как мое болото, - думал лягушонок.

Однажды возле его камня приземлилась стая перелетных уток.

- Как здесь мерзко и противно! - сказала одна из них.

- Это точно, - подтвердили другие утки.

- Наверное, солнце здесь никогда не появляется?

- Зато, какие здесь жирные черви! Ешьте скорее и летим дальше!

Они лакомились червями и не замечали маленького лягушонка, который их внимательно слушал.

- А что такое солнце? - спросил лягушонок у птиц.

- Вы слышите, он не знает: что такое солнце? - засмеялись они в ответ.

- Солнце - это большой огненный шар. Висит на небе и дает свет и тепло, - ответила главная утка.

- Шар? А почему... солнце к нам не заходит? - допытывался малыш.

- Почему, почему? - проворчала утка. - Потому что его дерево загораживает! Не мешай нам есть!

И лягушонок отошел в сторону. Он на мгновение представил себе солнце.

«Если бы не дерево, тогда у нас тоже было бы светло и тепло. Вот пойду к нему и попрошу не загораживать солнышко», - так думал обиженный лягушонок. Он любил свое болото, и ему было неприятно, когда кто-то плохо отзывался о его доме. Прыгая с коряги на корягу, с кочки на кочку малыш вскоре добрался до дерева.

Дерево было очень большим, с огромной густой кроной. Лягушонок поднял голову и стал громко квакать. Наконец, дерево шевельнулось, немного склонило крону - будто прислушиваясь, затем увидело лягушонка и спросило:

- Ты чего шумишь?

- Я ...я, - лягушонок растерялся от неожиданного внимания.

- Ну? Чего тебе? - сердилось дерево на растерянного гостя.

- Приветствую тебя, о великое и могучее

дерево! Мне нужна твоя помощь! - прокричал вдруг малыш.

- А, ну, привет, - дереву было приятно, что его так называли. - Что там у тебя случилось?

- У нас на болоте очень сыро и темно, солнышко к нам не может пройти из-за твоей кроны. Не могло бы ты немного посторониться и пустить к нам хотя бы один лучик солнышка? - продолжил лягушонок.

- Хм... Странная просьба...Я, конечно, могу подвинуть ветви, вот только это вряд ли поможет. Мне самому солнышко огромное облако загораживает вот уже несколько дней. Ты его попроси, если оно уйдет, я помогу твоей беде.

- Но, как же я до него докричусь? Оно выше тебя и меня с земли не услышит. Ты и то не сразу меня заметило.

- А ты залезай на меня и кричи громче, - предложило дерево.

Лягушонку было очень страшно карабкаться по стволу дерева и еще страшнее, когда он забрался на самую верхушку. Он чуть не свалился от сильного порыва ветра.

- Держись крепче! - скомандовало дерево. Малыш схватился своими лапками за тоненькую, но гибкую веточку, зажурился глаза и открыл их только тогда, когда ветер немного стих. Но вот чудо - облако исчезло. Ветер унес его в сторону и открыл солнышко без помощи лягушонка.

И тут обнаружилось еще одно препятствие - это высокая гора! Именно она мешала солнечным лучам попасть на болото.

- Извини меня, дружок, про гору я как-то не подумало. Мне-то она не мешает, - оправдывалось дерево.

- Ничего, зато теперь я знаю, где можно солнышко найти. Я приведу его с собой.

- Удачи тебе! - прокричало дерево вслед.

Лягушонок спешил, солнышко скоро скроется совсем из виду. Нужно было успеть до темноты, чтобы не заблудиться. Малыш добрался до подножья горы с последними лучами солнца.

«Ну, теперь я точно не заблужусь и завтра встречусь с солнышком», - думал он, засыпая под большим лопухом.

- С добрым утром! - пропищал кто-то под ухом. Лягушонок подпрыгнул от неожиданности и чуть не опрокинул на себя полный лист росы.

- Ты откуда здесь взялся? - мышка-полевка рассматривала непрошеного гостя. Лягушонок и не заметил, что уснул у самого входа в мышиную нору. Огромный лопух прятал ее в своей тени.

- Извините, - посторонился малыш, - я очень спешу. Мне нужно к солнышку успеть.

- Зачем? Солнышко само идет к нам, а вечером прячется за гору.

И только тут лягушонок увидел, что солнышко не за горой. Оно медленно шло по небу, и под его теплыми лучами оживал и согревался мир. Цветы раскрывали яркие бутоны и тянулись разноцветными лепестками к солнышку. Жуки, шмели, бабочки, пчелы, птицы - все заняты неотложными делами. Ля-

других лягушат, а главное - маму.

До наступления темноты лягушонок успел только к дереву добраться.

- Привет, малыш? Ну, что? Позвал солнышко? - спросило оно.

- Да, позвал!

- Забирайся на меня повыше, переночуй и расскажи мне свою историю, я ждало твоего возвращения. Мне ведь даже поболтать не с кем, скучно. Стою здесь совсем одно!

И лягушонок рассказал дереву про свой разговор с солнышком.

- А ведь оно право, не так ли, малыш?

- Да, думаю - да, - ответил сонный лягушонок.

Утром он, попрощавшись с деревом, поспешил в родное болото. Еще издали малыш услышал голос мамы:

- Совсем пропал мой сыночек, нигде его нет.

- Успокойтесь, вернется ваш сын, никуда не денется. Он такой смывленный, - утешала ее соседка.

- Хотите, мы его вместе поищем, - предложили лягушата.

Сердце лягушонка сжалось от нежности и любви к маме.

- Я - здесь! Я - вернулся! - крикнул он, выпрыгивая к большому камню.

- Сыночек, любимый! - мама-лягушка бросилась обнимать сына.

- Где же ты пропадал столько времени?

- Я вам все расскажу: но самое важное это то, что наше болото - лучшее болото во всем мире!

Когда он посмотрел вокруг, то увидел, как светло от улыбок друзей. Все радовались его возвращению. Теплый лучик солнца пробежал по большому камню и скрылся в зарослях камыша. Это дерево отогнуло свои ветви и впустило немного солнышка.

Лягушонок счастливо улыбнулся:

- Солнышко было право. Это лучший дом на свете!.

Светлана Дениженко

Образование педагогическое, живу в Минске, Республика Беларусь. Пишу сказки и рассказы для детей и взрослых, имею публикации в детских журналах, на интернет-ресурсах.

Вера Тансканен

Являюсь членом объединения русско-язычных литераторов Финляндии « Иные берега».

Принимаю активное участие в работе литературной интернет-газеты «Северная широта» в Финляндии.

Кот-проказник!

Любопытный и смешной
Бегал котик озорной!
Прыгнул смело прямо в грязь!
В глине лапками увяз!

«Ах, глупыш!» - ворчит свинья.
«Потревожил ты меня!
В тёплой луже отдыхать
Так приятно! Благодарь!»

«Мяу-мяу! Я тону!
Я сейчас пойду ко дну!»
Свинка хрюкает в ответ:
«Помогу! Вопросов нет!

Есть идея! Прост рецепт!
За крючок тянуть прицеп!
Ну, держись, за хвостик мой!
Вот проказник! Бррр-ысь домой!»

Колесо

Прокачусь на колесе,
Колесо квадратное!
«Вот чудак! — кричат мне все. —
Мысль неадекватная!»

Фрида Полак

Член МТО ДА и МСП «Новый современник».

ЗОЛОТОЙ ДИПЛОМ и Дипломы 1 и 2-й ст. в конкурсах ЗПР-2008 и 2009 годов, Лауреат МТО ДА в 2010 году, Диплом «За признанное мастерство». Публикации в «Брайлинке», в «Незнайке», в газете «Школьник» , в журнале «Новый современник».

В Израиле издан двухтомник стихов «МОЗАЙКА», песни на мои стихи «Иерусалим» и «Кубань-красавица» - Лауреаты Международных конкурсов «Звёздная академия». В конце 2010 года награждена Золотым Дипломом им. АГНИИ БАРТО за цикл детских стихов.

КУКЛА МАША

В «Детском мире» родилась эта кукла Маша.

Покормлю её сейчас я овсяной кашей.

Но не хочет пищу брать — до чего упряма!

Ну, зачем тогда кричать бесконечно: «МА-МА!»?

КОСМЕТИКА

Модная косметика у меня — заметьте-ка!

Есть в ней всё, что надо: пудра и помада,

Тени, тушь, румяна... У трюмо я стану,

Всё лицо раскрашу... чтоб позлить Наташу!

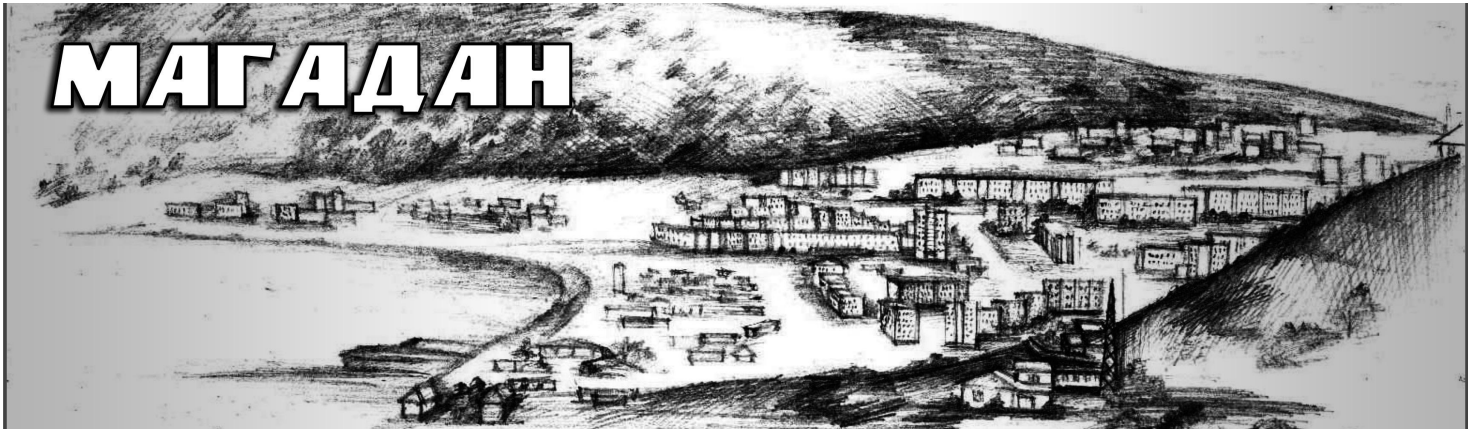
КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

Играю в компьютере с братом Андрюшей.

Хоть «комп» иногда — привереда,

Но всё ж я люблю его больше игрушек,

Он — лучший мой друг... После деда!...

Икра - пятиминутка

В первых числах сентября волею судьбы мы оказались на берегу не самого тепло-го, но прекрасного Охотского моря. Мы – это я с друзьями. Вадим с женой Анжелой и их тринадцатилетний сын Максимка. От Магадана нас отделяло сто пятьдесят километ-ров – по здешним меркам не расстояние. Мы находились на берегу Тауйского лимана в прекрасный день. Он выдался солнечным, безветренным. Голубая гладь моря была спо-койной, не затрудняющей рыбалку на поста-новку сети. При ее помощи мы очень хотели поймать кижуча. Ее белые наплава спокойно плавали на морской глади и чутко реагирова-ли на попадание серебристой торпеды. Лишь изредка наши лица мягко трогал слабень-кий ласкающий ветерок. Чайки с громкими криками летали над нами, норovia подобрать любое съестное. По берегу они могли найти много чего интересного. Я выходил в море, выпутывая из сети попавшую рыбку, наслаж-даясь этим процессом. На берегу горел косте-рок, стоял раскладной столик, возле которого, присев на стульчик, можно принять стопочку хорошей водки и хорошо закусить. В переры-ве между этими занятиями, в ожидании оче-редного кижуча, я обратился к друзьям:

-Вадик, рыбу разделять будем здесь или у тебя, как всегда, особый кайф - испач-кать ванну всю в слизи и крови?

- Мне очень нравится разделять рыбу в теплой водичке, - отбивался Вадим от моих нападков.

- Анжела, ну хоть ты повлилай на мужа. Может быть, здесь рыбу разделаем и икру сделаем? Ведь для этого есть все, - продол-жал я настаивать на своем.

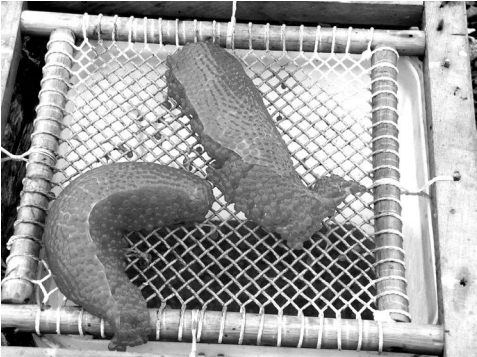
-А вот это мысль. Давай и правда сдела-ем икорочки, - воодушевился Вадик.

Дружно принялись за работу. Я принялся потрошить рыбу, приспособив для раздел-ки лежащее рядом большое дерево, отшлифо-ванное неласковыми водами Охотского моря.

Вадим обожает делать икру, и у него это получается классически. Он принялся подготавливать эту непростую процедуру. Из машины появилась канистра с заранее при-готовленным тузлуком. Это крепкий раствор соли высокой плотности, применяемый для посола икры. Применение слабого тузлука не позволяет приготовить качественный про-дукт. Кроме этого потребуются марля, стечка, емкость для посола и грохотка. Так называ-ется небольшая деревянная рамка, заплетен-ная толстой хлопчатобумажной ниткой. Пле-тение образует квадратики со стороны до семи миллиметров, через нее пробиваются икорные ястыки(так называется мешочек ,в котором в теле рыбы помещена икра). К тому времени я закончил потрошить рыбу, и Вади-му предстояло сделать полведерка икры.

-Вадик, ты уже готов начать работу? А может сначала по стопочке? Кстати, возраже-ния не принимаются, - предложил я напарнику.

Вернулись к столу и под гомон чаек, мгновенно очищающих берег от рыбных внутренностей, приняли по единой. Легкий морской бриз направил на нас дым от костра. Глаза стало пощипывать.Ведерко с ястыками

стояло уже возле другого бревна, где Вадик облюбовал место для священнодействия под названием – приготовление кижучевой икры – пятиминутки.

В имевшемся у нас другом тазике была принесена морская вода, где начиналась пер-вая операция-промывка ястыков, позволяю-щая избавиться от частиц крови, лопанца и других инородных частиц. Прodelывал все это Вадик с чувством благоговения и осозна-ния значимости процедуры. В итоге первая операция заканчивается и плавно перетекает во вторую-это пробивка икры. Для этого гро-хотка укладывается на тазик, на ее сетчатую поверхность укладываются вскрытые ястыки и плавными движениями рук ястык как бы втирается в сетчатую поверхность грохотки. Икринки падают в емкость, а на нитках гро-хотки остаются пленочки.

-Классная икорка получится, - приго-варивал Вадим, когда я принес еще шесть ястыков, полученных после разделки еще трех пойманных самок.

-А вот это вообще здорово. Свежее не бывает, - довольно приговаривал Вадик, при-нимая в переработку ястычки.

Наконец, пробивка заканчивается, и мы приступили к следующей процедуре-дополнительной очистке пробитой икры на марле. Делаем это вынужденно из-за того, что мы не используем второй грохотки, ко-торая должна применяться при пробивке и улавливать частицы пленки и крови. Мы уло-жили большой кусок марли в таз, влили туда пробитую икру ,взяли марлю за углы и на-чали перемещать всю массу пробитой икры по поверхности образовавшегося марлевого мешка. Стенки его вбирают в себя оставшие-ся инородные частицы.

-Вадик, ты икорный маньяк, - пошутил я над другом.

-Ну и пусть. Я совсем не против. Пусть будет больше возможностей для такого манья-чества .Ну а теперь самое ответственное – по-сол, -ответил довольный напарник, готовясь к следующей операции.

Приготовленная к посолу икра множе-ством ярко-красных икринок, составляющих пока единую зернистую массу, терпеливо ждала своей участи.

-У нас десятилитровая канистра туз-лучка, как раз хватит на посол шести литров икры. Делаем малосолочку, - сказал доволь-ный Вадим.

Перед началом процедуры мы пригото-вили стечку. В нашем случае это пластмассо-вый ящик с отверстиями в дне. Его мы вы-стлали куском марли, смоченной в тузлуке.

-Ну что, начнем, благословясь, - сказал

Вадим и вылил тузлук из канистры в таз с икрой.

Процесс пошел и требовал постоянного контроля. Вадик рукой постоянно помешивал икру, не давая ей находиться в покое.

-Сколько минут будешь солить? - спро-сил сосредоточенного друга.

-Минут семь, не более, - ответил он.

Анжела, я и Максим наблюдали за поис-ходящим в тишине под потрескивание костра, шум прибоя и чайный гвалт. Минуты через три Вадик сказал:

-Икринки начинают по руке постуки-вать. Посол идет нормально.

-А ты знаешь, как определить самую первую стадию готовности икры. Если нет, дай мне несколько икринок, и я тебе это про-сто покажу, - озадачил я друга.

Я принял от Вадика несколько икринок и попробовал раздавить одну из них. Она брызнула, вторая растеклась по пальцу. За всем этим наблюдал Вадим, продолжавший помешивать икру.

-Видишь, икринка, которая потекла, уже просолилась и стала малосоленой. Её уже можно есть или хранить при определенных условиях, так что через пару минут все будет готово. Хотя ты солишь, но не дай Бог пере-солишь, - пошутил я.

Вадик сосредоточенно помешивал икру изредка пробуя.

-Ну, все, готово, давай сливать, - сказал икранный. Мы с ним взяли посолочный бак и принялись выливать все содержимое на стеч-ку. Икра оставалась на марле, тузлук стекал вниз. Плотная, ярко-красная икра лежала на стечке. Капельки тузлука продолжали стекать с нее. Ей до полного стекания придется про-быть на стечке около суток. Ну, это будет поз-же, а сейчас я предложил друзьям:

- Ребята, давайте попробуем малосолоч-ку, уж больно хороша она будет под стопочку.

Как ни странно, возражений не последо-вало. Отсутствие масла для бутербродов нас не очень огорчило. Ведь что может быть вкус-нее только что приготовленной икры, поэто-му Анжела сделала бутерброды просто с ней. Я наполнил стопочки и предложил тост:

-Ну, за икорочку, однако!!

Мягкая водка только оттенила прекрас-ный вкус кижучевой икры.

-Вадик, оказывается ты не только кули-нарный, но еще и икряной маньяк. Икорка по-лучилась божественной, - сказал я приятелю

Он, довольный, глянул на меня и много-значительно промолчал. Для того, чтобы со-хранить на долгую колымскую зиму малосо-лочку после того, как она стекает до суток с момента посола, ее расфасовывают в пласти-ковые контейнеры емкостью по 250 граммов и замораживают. Однократная заморозка не влияет на вкус и качество икры. Для того, чтобы насладиться всей прелестью буте-рброд с малосолкой, необходимо-не спеша оттаять контейнер с икрой в холодильнике. Ну, а дальше все просто-тоненький кусочек хлеба желаемого цвета, тонкий слой хороше-го сливочного масла, ну и сверху всего это-го добавляется икра. Толщина слоя икры на бутерброде должна быть больше толщины хлеба и масла вместе взятых. Именно так вы-глядит нормальный съедобный бутерброд по-магадански. Приятного аппетита!!!

Сергей МАЛАШКО
представитель «ПИ 1»

Настя Гарусова

п. Маянджа

Мы – это пламя,
Танго танцуют его языки.
Мы – это знамя
Страстной немой тоски.
Мы – это время,
Остановившее стрелки часов.
Мы – это племя
С диких судьбы островов.
Мы – это свечи,
Почти обращенные в воск.
Мы – это вечность,
Утратившая свой лоск.

Мы – это звезды
В момент своего паденья.
Мы... слишком поздно,
Мы – только теперь сновиденье...

Закрой глаза, увидишь свет,
Но это сон, его здесь нет.
Здесь только тьма и только ты,
Меня здесь нет и нет мечты.

Ведь я ушла уже давно.
Пока ты спал и видел свет.
Тебе ведь было все равно.
Любил ли до меня ты? Нет.

И не любил меня, похоже.
Полюбишь после? Верно, нет.
Мы ведь с тобою так похожи -
Живем во тьме, а видим свет.

Он снится, душу истязая,
Он – только тень твоей мечты,
И, чувства светом заменяя,
Во тьме один остался ты...

Открыв глаза, не видишь свет.
Ведь это сон, его здесь нет.
Здесь только тьма и только ты,
Меня здесь нет и нет мечты...

Людмила Деева

Родилась в Луганске (Украина). Образование среднее педагогическое. Двадцать семь лет проработала музыкальным руководителем в дошкольном учреждении.

Л.И. Деева автор девяти поэтических сборников. В их числе: «Голос мятежного сердца», «Бурной душе нет покоя», «Мозаика чувств». Её стихи публиковались в коллективных сборниках и альманахах. Она лауреат международного Интернет-конкурса 2004 года «Связь поколений», Дипломант международного конкурса 2005 года «Золотое перо Руси». Имеет не одну почетную грамоту «За пропагандирование идей гуманизма, добра, милосердия»; «За весомый вклад в развитие духовности, национальной культуры Луганщины, эстетическое воспитание молодежи»; «За активное участие в разных культурно-массовых мероприятиях Луганска»; «За вклад в развитие литературного процесса в Украине». В 2008 году получила литературную премию имени Олега Бишерева за книги последних лет. Член МСПС и МСПУ.

**Позови меня: вспомнить далекое лето,
Побродить по зелёным,
заветным местам
И в душистом жнивье
утонуть до рассвета,
И под звездным огнем
вновь предаться мечтам.**

**Позови меня вспомнить далекое лето,
Где плясали костры, где июль ликовал,
Где луна обернулась счастливой
монетой,
И сразила любовь невзначай наповал.**

**Позови меня вспомнить далекое лето,
Обложные дожди и наш тайный приют,
Где душа собирала слова для сонета —
Те, что годы потом никогда не сотрут.**

**Позови меня вспомнить далёкое лето,
Где с тобой по течению выпало плыть,
Где судьба не давала прямого ответа,
Оставляя возможность надеждами жить.**

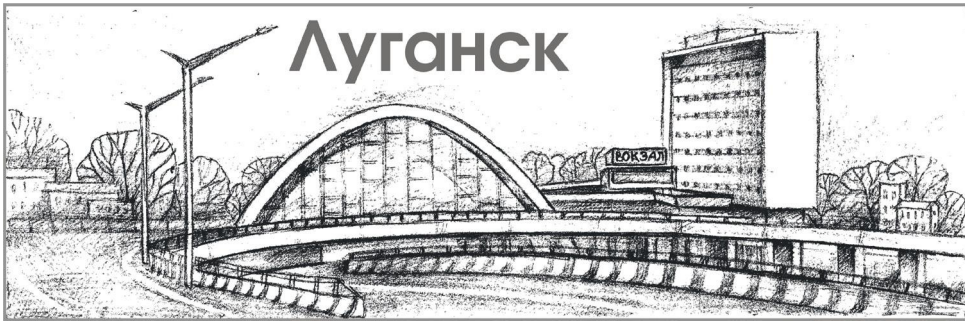
**Я хочу с тобой в Раёвку,
Я давно там не была.
Пусть на тонкий лёд, на колкий
Стелет осень кружева.
Может, есть ещё тропинка,
Где деревья — аж до звёзд!
Может, зелены травинки
На полянке наших грёз.**

**Пусть на первый лёд, на тонкий
Стелет осень кружева, —
Ну, поехали в Раёвку,
Где я счастлива была!
Может эхом отзовется
Память наших ярких дней,
И моя любовь проснётся,
Чтобы встретиться с твоей.**

Огонь осенний...

**Огонь осенний разжигают
Кусты, деревья и трава,
На поздней зелени сплетают
Свои цветные кружева.
А по тропинкам бродит шорох
В полупустых уже лесах...
Мне каждый миг осенний дорог:
Он исчезает на глазах.**

**Уже ночной морозец, кстати,
Напоминает о зиме,
Но распустила осень пряди,
Играя солнцем в синеве.
На паутинках бабье лето
Летает тихо надо мной,
Оно лучами разодело
И вышито моей тоской.**

Пшённая баталия

Иногда приходится и поскукать. Позади лагерь с его хаотичным движением в целом, и вполне направленным — в часы кормлений. Перед глазами почему-то сразу возникла муравьиная дорожка и сам кишащий муравейник в стороне. «А классное сравнение!» — подумал Вадик. Вот именно такая жизнь ему по душе, но пока он вынужден терпеть домашнее однообразие — застой.

Подперев голову сразу двумя руками, закрепив локти на столе весом всё той же головы, он наблюдал за Леной и выразительно про себя размышлял: «Хорошо сеструхе! Ей никогда не бывает скучно. Даже если целый день просидит одна дома. Карандаш в руки и — пошла рисовать свой «рафинированный» девчачий мир. Вот уж мечтательница! Ладно, за неимением разехавшихся друзей и она сойдёт для компании. Чем бы её отвлечь?»

Взгляд упал на стоящие в стаканчике карандаши. Он уже хотел его перевести дальше, но вдруг увидел среди них поломанную шариковую ручку. «Ну, вот и идея подвалила!» — обрадовался Вадик, схватив прозрачный цилиндр. Там же оказался и ещё один, синий, правда, в новой ручке, но... это мелочи. Главное, нашёл, чем развлечься.

На кухне было устроено апробирование, отладка, пристрелка устройства под названием духовая трубка или по-простому — плевательница. В качестве снарядов по размерам подошло пшено. Оно и кругленькое и у мамы в запасах его целых два пакета нашлось. Конечно, Вадик знал, что продукты не для игрушек, но когда хочется — «нельзя» отступает под натиском оправдательных уговоров.

Лена увлеклась не на шутку. Сколько раз она наблюдала за миражами на дороге, но вот нарисовать ей их никак не удавалось. Получалось, что дорога сразу обрезалась берегом озера или лужи, а ведь она не должна никуда исчезать. Это поверх неё вот такие кажущиеся явления. Но лужи никак не хотели быть лужами на поверхности асфальта. В общем, девочка была уже на грани отчаяния. Ей так хотелось весь этот альбом скомкать и разорвать...

Это было не очень больно, но шею обожгло, как от укуса какого-то насекомого. Она вскрикнула, прикрыв ладошкой там, где заболело. Нащупав под ней что-то твёрдое, она второпях сжала это пальцами и сбросила на стол. Жёлтая бусинка ей что-то смутно напоминала, но на насекомое она была не похожа... Опять! Теперь Лена почувствовала нечто похожее на спине. Она быстро повернулась. Никого. На полу она увидела несколько таких же бусинок. Промелькнула догадка. Раз Вадик исчез из поля зрения, значит, что-то затевает. Может, это он?

— Вадик, ты где? — спросила настороженная девочка.

Вместо ответа она услышала странный глухой звук и сразу получила несколько чувствительных уколов по ногам. Всё стало на свои места. Её чем-то обстреливал спрятавшийся брат. В голове сразу сложилась картинка: «Ага, он же убежал на кухню. А что у нас там может быть такое мелкое? Конечно, пшено! Как же это я сразу не догадалась? Сейчас я ему покажу, как обижать младшую сестру... Где он может спрятаться? Конечно, за дверью»...

Лена подскочила к двери и, что было сил, толкнула её к стене. Вадик за дверью аж крикнул, чуть не подавившись пшеном, которое держал во рту. Но цель была достигнута. Ленка поддалась на провокацию! Он выскокил из-за двери и весело заявил: «Я объявляю тебе войну! Сдаёшься, «мелюзга»?»

— Так не честно! — в запале выдохнула сестра, — ты там уже всё приготовил и первый начал ещё, а мне нечем стрелять даже.

— Не дрейфь, я и о тебе подумал, — ответил брат и протянул Лене синюю трубку.

Пшено было поделено поровну. Каждому по пакету. Комната разделена двумя креслами и журнальным столиком на две равные части. Кроме того за ними можно было прятаться, уворачиваясь от обстрела. Противник, то есть сестра была обучена стрельбе, так что всё было по-честному. Проигравшим считался тот, кто первым попросит прекратить бой. Обратный отсчёт по нулю возвестил о начале сражения.

Лене было тяжелее стрелять, зато легче прятаться из-за маленького роста. А Вадик напирал мощью здоровых лёгких так, что расход пшена у него шёл в два раза больший. Через полчаса боевых действий стало заметно, что в отличие от сестры у него наметился явный дефицит в снарядах. Проиграть он не мог себе позволить, поэтому на ходу пытался придумать, как выкрутиться из шкотливой положения. Лена, как назло, не хотела ему уступать и не просила прекратить игру. Отстреливалась, как настоящий папан.

Идея появилась, когда Вадик вместо пшена зачерпнул пустоту, протаранив ко-

стяшками пальцев дно бумажного пакета: — «вода»!!! Он быстро пробрался в ванную, налил ковш воды, набрал её в рот и... Ленка заверещала от неожиданности. От воды было не увернуться, струйки огибли баррикады из кресел, не то, что прямо летящее пшено.

Тогда Лена решила поменять тактику. Захватив остатки пшена, она отступила к шифоньеру. Сюда брызги не долетали, а пшено по-прежнему достигало цели, правда, приходилось прилагать и больше усилий.

— Ленка, — быстро сориентировался разгорячённый батальей Вадик, — а ты чего это линию обороны оставила без защиты? Мне же никто не помешает теперь в наступление пойти!

— А такого в правилах не было! Я же на своей территории, а не на твоей, — ответила озадаченная заявлением сестра.

На самом деле она сильно устала, ей надоело плеваться этим невкусным пшеном. Она даже успела подумать, что после такого ни за что в жизни не сможет есть пшённую кашу... Но сдаваться и проигрывать тоже не хотелось. Проявив выдержку, она в очередной раз выплюнула пшено, попав Вадик в нос и в щёку. Он даже вздрогнул от такой дерзости.

— Это же попадание в десятку! Во, даёт «мелочь»! — подумал он, а вслух ответил. — В правилах настоящей войны такое есть! Соображать нужно! То, что не оговаривали в правилах — решаем по ходу, по правде жизни. Вот если попросишь, чтобы я тебе воды набрал и принёс, то принесу.

— Не, не нужна мне твоя вода! У меня пшена ещё полно. Вон как метко научилась стрелять! А ты так уже не можешь!

Лена в запале показала брату язык. Такое безнаказанно оставлять было нельзя. Вадик, прорвав незащищённую линию фронта, пошёл в атаку. Противник взвизгнул, и обратился в бегство. Но бежать было некуда, поэтому она забралась с ногами на диван, вжавшись в угол, не забывая при этом отстреливаться. Пшено по-прежнему попадало в цель. Водные струи заливали ей лицо. Уворачиваясь от воды, она умудрилась забраться на самую высокую точку спинки дивана, оттуда — подтянувшись, легла животом на верх шифоньера. Сообразила, что там есть непростреливаемый угол. В него и забралась.

Вадик был доволен тем, что загнал сестру в тупик. Это была её ошибка. Набрав полный рот воды, он тоже забрался на спинку дивана. Отсюда Ленка была видна, как на картинке. Получив очередную порцию пшена в лицо, он стал поливать сестру водой. Она, стараясь увернуться, задела что-то рукой, на которую сделала упор, и это что-то с грохотом свалилось с верхотуры и, кажется, разбилось...

Лена в испуге посмотрела вниз. Вадикин взгляд тоже был пригвождён к упавшему предмету. Это же бабушкины любимые часы! Она ещё говорила, что теперь таких не делают... Они были довольно массивные, с двумя лежащими львами и опирающимися на их лапы.

— Всё! Провал операции, — констатировал расстроженный Вадик.

— Ага, — согласилась, готовая заплакать Лена, — это конец!

Вадик помог Лене спуститься с верхотуры, и они вместе на корточках стали рассматривать развалившиеся на составные части часы... За этим занятием их и застали вернувшиеся из поездки по делам, родители.

Только теперь перед детьми предстала полная картина сотворённого беспорядка. Но ведь то же самое увидели и бедные родители! Перевернутые кресла, пол весь в слое мокрого пшена, стены кое-где тоже украшены этой жёлтой мечтой канареек...

Уборка растянулась на два часа. Мама категорически помогать отказалась. Папа собрал то, что осталось от часов и пошёл на кухню смотреть, можно или нет их оживить. Лена и Вадик с помощью совка и веника пытались собрать раскатывшееся по всему полу пшено. Целый увесистый пакет собрали, но полностью убрать последствия боя не удавалось никак.

— Мама, а можно этим пшеном птиц покормить? — спросила дочка.

— Покормить можно, но вы наказаны! Не сегодня, — ответила мама из кухни, занятая приготовлением обеда.

— А на балкон нам можно выходить? — спросил тогда сын.

— Да, на балкон можно, если это нужно.

Такого ответа Вадик и ожидал. Мама всегда смягчает папины наказания. Жестом поманив Лену, он взял пакет с собранным пшеном и они скрылись на балконе. Рассыпать горстями пшено с третьего этажа — дело нехитрое. Вездесущие воробьи сразу поняли, какой пир им уготован сегодня. Стайка с каждой минутой обрастала новыми сородичами.

Светлана ТИШКИНА

Гирлянова Ирина

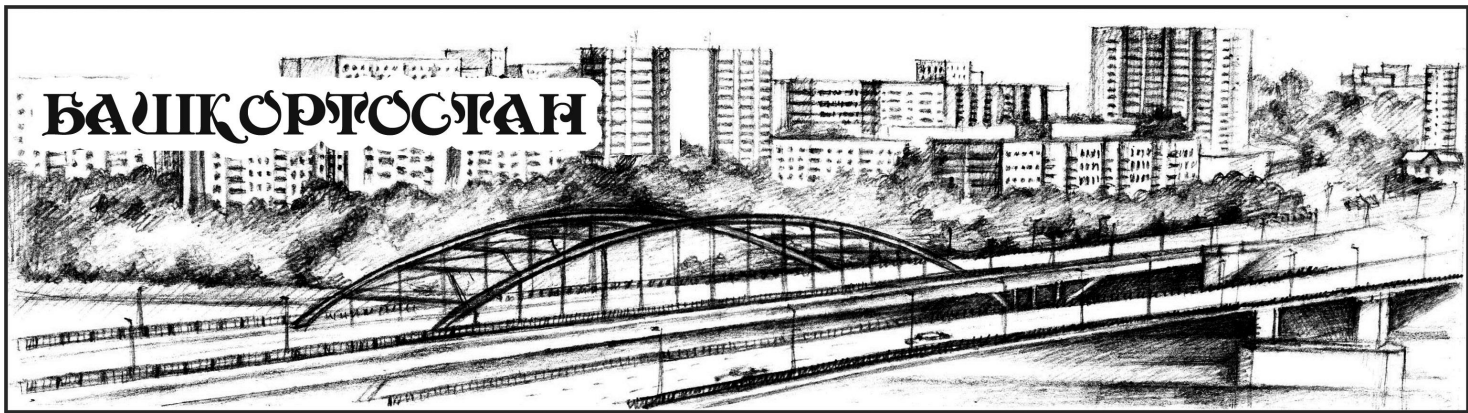
Член Межрегионального Союза писателей Украины. Поэт со своим видением бытия, со своим голосом. Автор книг «Поздняя ласточка» и «И Русь...»

Провинциальный этюд

По-губернски нам легко живётся, на посёлки смотрим свысока. Во дворах подсолнухи под солнце подставляют жёлтые бока. Кто тут был, но больше - кто тут не был, можно рассказать и позабыть. Кукуруза тычет пальцем в небо и попала в небо, может быть. У домов на клумбах — хрен с укропом, для собак достаточно репьев... Кто-то здесь всю жизнь свою ухлопал, кто-то детство просадил своё. Родина! Любить тебя учили! Научили? Очень может быть! Здесь, в лугах твоих, века почили, здесь кресты и храмы, и гробы... Грязь — не сало. Впрочем, хрюкнет сало и “по-українськи взверещить”. Я б о сале вовсе не писала, но оно - наш герб и даже щит! Абрикосы, как ненужный мусор, август загребает по садам... Здесь заборы ставят безыскусно, мат заборный предлагая нам. Мы теперь губерния, иль волюсть Александровск — не из тех Гренад? На лепнине — бывший серп и молот, ныне превратились в экспонат. Не до жиру (сала)! Быть бы живу. Сникерсы — не юнкерсы. Но всё ж, стариков — на минимум. Пожили. И куда же сплавить молодёжь? Пол-Москвы построили. Полмира наших девок щупают, хваля. До клозетов из простых сортиров доросла донецкая земля. Как шахтёров накормить стихами? А зимою не замёрзнуть вдруг? И гудки, и трубы - отдыхают. Лишь подсолнух шепчет на ветру.

Под дробный пристук каблуков подробно высмотрю детали: каков же город ваш, каков во всей красе фундаментальной? Я опасаясь многих лиц, столиц не праздную тем паче, куда со всех краёв земли сбегают люди за удачей. У нас грязюк своих полно, но кисели хлебать пристало тому, кто падает на дно иль кто ползёт на пьедесталы. Битком набитая людьми, как перегруженная тачка, столица благоволит им, бросая страждущим подкачки. А мы живём, сухарь жуём, - больная человечья свора, провинциальное старьё, и стонем под своим забором. Не вышли мордой в имидж ваш! И под облезлой штукатуркой не верим в макияж, визаж, - раскраску боевых придурков. Сорвать же друг и в никуда — увы, не каждому охота. Когда-то молодых судьба гнала в походы и в полёты. Теперь шагов далёкий звук — в прошедшем времени, в тетради... Но до сих пор меня, мой друг, как на чужбине, - лихорадит.

Когда ничего не болит и всё, что хотелось, имеем — слагаем свои «эпопеи» из сплетен и личных обид. В обёртках из розовых снов, в одеждах из радужной фальши мы голые факты основ уводим всё дальше и дальше. Но стоит порваться узде, прозрение — гибели сродно. Толпа — это голос народа, который посмели раздеть. Средь всяких узорчатых фраз, что в воздухе тают нелепо, забыла несущая власть первичность насущенного хлеба. В мельканье теней или лиц эпохами, а не часами фасадную поступь столиц провинция наша спасает. Как ей продержаться, родной, когда ни пройти, ни проехать, и голодом или войной закончится эта потеха!

Легенда Лысой горы

Кеды были замечательно удобные, погода и настроение в полной гармонии, в рюкзаке ждала своей последней участи курочка-гриль.

Мальчик не ныл.

Оставив машину внизу, мы с сыном отправились штурмовать местный эверест – Лысую гору, небольшой холм вроде сопки у подножия Яшелътау. Гора была скорее облысевшая, чем лысая – на ее вершине имелась небольшая дубовая рощица.

Цель нашего восхождения была благородной. Я намеревался открыть своему отпрыску красоты окружающего мира, дабы воспитать эстетические чувства, развить кругозор, в одночасье сделать из него патриота, краеведа, натуралиста, натурфилософа, а при случае и археолога, палеонтолога, энтомолога. А то, как мне казалось, он слишком продвинулся в освоении компьютерных трескучих игр, а как поет в дубраве иволга или синички, сынок не имел представления; впрочем, я тоже.

Чем выше забирались мы по каменистому склону, тем больше становилось небо, и тем меньше наш автомобиль; вскоре он и во все превратился в сине-зеленую блестящую букашку.

С вершины холма открылась долина светло-синей реки Белой, бескрайние степи левого берега, сизые пятна и ленты стариц. Город, затянутый индустриальной дымкой, еле просматривался. Бодро погугивая тепловозом, по краю горизонта резво бежала зеленая гусеница – поезд.

Высокие тонкие перистые облака медленно перемещались, простор был неоглядным.

- Видишь, какая красота кругом? – пытался включить я в сыне задуманную программу.

- Ух ты! – согласился он и уселся на ископаемый камень типа песчаника.

- А вон дельтапланы! Почему они черные?

Программа начала давать сбои. Сынок мог бы развить первоначальное «ух ты» в восхищение просторами, небом, распахнутым горизонтом, стрижами и ласточками, стремительно режущими воздух. Отпечатком мезозойской раковины в песчанике. Или погнаться за эндемической стрекозой величиной с воробья. А, тут – какие-то дельтапланы. Экая, право дело невидаль.

Я осмотрел зенит.

Дельтапланы были какие-то маленькие и, в самом деле, черные.

Крылатая их пара медленными державными кругами парила над нашими головами почти под самым солнцем.

- Сынок, это орлы или беркуты, а не дельтапланы. Это птицы. Большие, очень редкие, у них размах крыльев – три метра, - соврал я, - когти длиннее твоих сандалий, клюв величиной с твою руку, - увлекался я, поражаясь своей эрудиции. - Они питаются мышками и кротами, а иногда и зайцами, как спикируют с высоты, цап страшными когтями зайца и сразу заглатывают, - врать оказалось интересно. - А иногда... - напряг, перенапряг я фантазию...

- Целиком, что ли, заглатывают? – настороженно посмотрел на меня сын и поджал под камень ноги. – Пойдем домой.

- Не бойся, маленький, с человеком им не справиться, - сказал я чистую правду. – Беркуты - птицы благородные, они никогда не нападают на человека.

- Да? Ну давай тогда мне мою курицу.

Мы улеглись на густой ковыльный покров и долго следили полет беркутов. Вдруг один замер и, перевернувшись вниз головой, стремительно, словно пикирующий бомбардировщик, понесся к земле.

- Ну вот! – воскликнул сын. – А ты говорил, что не нападают.

Беркут на несколько секунд исчез за кустами, и тут же, тяжело маша крыльями, поднялся в небо. В лапах у него был, так я думаю, крот.

Обе птицы упланировали в сторону дубовой рощи.

- Детей полетели кормить, - со знанием дела сказал я.

- Тогда все равно давай мне мою курицу.

Мы погнали цыпленка на небольшом костерке. Сын отдавал мне кости, на которых оставалось немного мяса. Ну, ничего, зато хлеб почти весь мой.

Насытившись, мы блаженно лежали на теплой древней земле. Древние кузнечики с красными брюшками и зелеными сабельками, с треском пролетали возле нас.

- А эти кого едят? – нахмурившись, спросил сын.

- Глю всякую, мух, мотыльков, - безжалостно обогнал я саранчу. Хотя, откуда я знаю, что это летала саранча.

Вскоре пара черных птиц снова появилась над вершиной нашего холма.

Сын встал на четвереньки и пополз в траву.

- А? – спросил я с удивлением.

- Ягоды, - лаконично ответил он.

Земляники тут, на солнечной стороне было в самом деле много. Преодолевая блаженную лень, я с усилием набрал горсть, но съел без усилия. Мог бы еще. Но лень.

Вновь появившиеся беркуты поднялись высоко, и круги их стали очень большими.

Прибежал слегка запыхавшийся земляничко.

- Пап, пап, там какой-то дядька с бородой чё-то сидит как этот...

- Старик Хоттабыч, он тут живет летом, - не моргнув глазом, сказал я. – Волшебник.

- Я знаю, - спокойно ответил сын.

У большого черного камня, сложив ноги по-турецки, сидел старик-башкир. Словно в мусульманской молитве поглаживая бороду, он без особого интереса рассматривал природоведов, которые, признаться, испытывали неловкость и даже некоторую оторопь.

Рядом стояло красное ведро, полное ягод.

- Ассалам алейкум! – почтительно поклонился я и произвел легкий подзатыльник сыну.

Тот тоже вроде как поклонился и сказал:

- Ага. Здравсьте.

- Авалейкум ассалам, добрые люди, - старик встал и пересел к другой плоскости камня. – Спине помогает.

- Это солнце его греет, - согласился я.

- Нет, уважаемый, этот камень всегда теплый, если и солнца нету.

- Волшебный? – глянул на меня с надеждой сын.

- Ему, сынок, четырнадцать тысяч лет, он вечно тут стоит, соединен с горячими земными недрами, - несло меня.

- Зачем так говоришь неправильно? – строго глянул на меня старик. – Двадцать две тысячи лет. Он скоро обратно уйдет.

- Куда обратно? – спросил сын, трогая камень. – Папа! Он горячий! Куда обратно? В землю?

- Зачем в землю? Обратно, - старик поднял обе ладони к небу, - домой, в небо. Это - Черный Орел. Когда он упал, тут стал горячий родник, теперь ручья почти нету. Как кончится ручей, камень улетит.

- Дедушка, а дедушка, а он обратно вернется? – серьезно спросил сын и посмотрел на небо.

- Через двадцать две тысячи лет.

- Ну-у, - разочарованно протянул сын. – Это долго очень, тогда меня не будет.

- Будет, будет, - улыбнулся всем сухим коричневатым лицом старик.

- Правда?

- Правда, правда, малайка! – неожиданно громко проговорил дед.

- Папа! – восторженно вскрикнул мальчик. – Слышал, я буду! – И тут же помрачнел:

- Дяденька, а папа будет?

Дед покачал головой:

- Твой папа прилетит с другим камнем, когда родник иссякнет.

- Ага, - сказал сообразительный мальчуган. – Значит, когда я буду таким же стариком, как вы, папа прилетит ко мне с другим камнем. А потом опять то же самое.

- Да, сынок. Ты прав. И так будет всегда. Мы предложили деду водички газированной.

- Зачем? – недоуменно спросил он. – Вот же тут родник есть.

Спускаться с горы, оказывается, труднее, чем подниматься. Сын заметно устал.

Машина на солнце нагрелась как сатана, в духоте даже разговаривать не хотелось.

- Устал? – спросил я сына.

- Ничего я не устал, - почему-то дерзко ответил он.

- А чего надулся? Может, ножка болит или что?

- Да ничего у меня не болит!

Мальчик был явно раздражен. На жаре это бывает.

- А чего же ты какой-то невеселый? Ведь мы интересное путешествие с тобой совершили. Облака, ласточки, беркуты, старичок загадочный. Разве мало?

- Ну тебя, ну тебя, - чуть не хныкнул сын. И отвернулся.

- Объясни же хоть как-нибудь! – настаивал я.

- Твой старик очень плохой. Плохой!

- Ну ты, братец, даешь. Добрый дяденька, интересную историю нам с тобой рассказывал. А ты - плохой! Как же понимать?

- Потому что я не собираюсь ждать тебя двадцать две тысячи лет, папа!

Сын обернулся. Слезы у него текли по щекам в три ручья. Он ткнулся горячим лицом мне в плечо и произнес сквозь рыдания: - А ты меня будешь ждать двадцать две тысячи лет?

Так вот, господа-товарищи. С тех пор я остерегаюсь вскарабкиваться на сопки и холмы, особенно если на них растут дубовые рощи и есть орлиные гнездовья. Ведь может обнаружиться и старик с большим черным камнем. Хотя... слетать куда-нибудь на двадцать тысяч лет вроде бы и прелюбопытно.

Сергей МАТЮШИН
Андрей ОВЧИННИКОВ

Матюшин Сергей

Родился в 1943 г. в г. Твери. Окончил Медицинскую академию (Тверь) и Литературный институт им. Горького. Издано пять сборников прозы, публикации в периодических изданиях, в том числе журналах «Смена», «Урал», «Звезда», «Крепятик», «День и ночь», «Москва», «Бельские просторы» и др. Член Союза писателей РФ и РБ с 1984 года. Проживает в г. Салавате респ. Башкортостан.

Овчинников Андрей

Родился 4 октября 1963 года в г. Бирске. По образованию историк. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «Истоки», журналах «Север», «Бельские просторы», «РуЛит», «Ликбез» и др. Живет в Респ. Башкортостан, г. Салават. Член Союза журналистов РФ и РБ.

Валентин Осадчий

ТЕ ДНИ

Те дни, длиною в пачку сигарет
Шли как всегда – не лучше и не хуже, -
В забвенье исчеза, словно след,
Затерянных в барханах стад верблюжьих.

Они текли, начавшись с огонька,
Теряя смысл в дыму самообмана.
Я пил те дни, как рюмку коньяка,
С постыдной ненасытностью гурмана.

В круженье повседневной суеты
В своей душе не ощущая света,
Я подошел к порогу пустоты,
В руках опять мерцала сигарета.

Оглох мой мир без песен звонарей.
Терзался дух потерянными днями.
Мой поезд мчал в туман без фонарей,
Светясь лишь станционными огнями.

А где-то шла весенняя страда,
Призывно было грохотанье грома.
И облаков веселая орда
Манила убежать скорей из дома...

МУЗЫКА НЕБЕС

Разноголосе птицы пели,
Рождая музыку небес,
И их чарующие трели
Околдовали луг и лес.

И словно небеса открылись
У тех заветных райских мест,
А звуки лились и струились,
Заполняя всё окрест.

И всей душою внемля песне,
В тот день представить я не мог,
Что композитором небесным
И дирижёром был сам Бог.

СНЫ

Я в сны погружаюсь, как в мир без границ,
Загадочный, тайнами полный,
И в сонме видений, мелькающих лиц,
Брожу, как бродяга бездомный.

Взлетаю ли в небо, бегу ль от врагов,
Родителей встречу ушедших,
В увиденных призраках верить готов,
Покою себе не нашедших.

И там, в тех мирах миражей и теней,
Где тайное с явным смешалось,
Где риск и отвага, как игры детей,
Прозрение в мыслях рождалось.

Мои пробужденья светлы, словно храм,
Тут всё в первозданном покое,
Разгадывать сны я берусь по утрам,
Молясь, чтоб не сбылось плохое.

Но что для Вселенной молитвы мои,
Коль рок беспристрастный над нами,
И я ухожу в сновиденья свои,
Укрывшись надежды крылами.

НЕЗНАКОМКА

Про себя повторяю негромко,
Чтобы светлую грусть не вспугнуть –
Ты откуда взялась, незнакомка,
И в какие миры держишь путь?

Твой чарующий голос и облик,
И святая открытость души
Неожиданно вызвали отклик
В моих мыслях, и в сердце вошли...

И душа устремилась навстречу,
И глаза защищало от слёз,
Знал ли я, что когда-нибудь встречу
Незнакомку из сказок и грёз...

СВЕТ ЛЮБВИ

Жизнь пролетает тающим облаком,
И не вернуть – зови не зови,
Лишь отзываясь нечаянным откликом,
Зовом непознанной, тайной любви.

Может быть там, за неведомой далью,
Где не бывает обманчивых слов,
Счастьем заслуженным, светлой печалью
Мне на ладони прольётся любовь...

В ней на заре мотыльком искупаюсь,
И, написав о влюблённых стихи,
Я на коленях смиренно покаюсь
За совершённые в жизни грехи.

Башкортостан

Жил-был товарищ Птицын. Начальство его так и звало – товарищ Птицын. Внезапно бац, вышел на пенсию. Сначала обрадовался. После огорчился. Как подумал, что больше не бывать в родном, пахнущем машинным маслом и обгоревшими проводами трамвайном депо, тоска взяла. Будучи в состоянии грусти, Птицын написал стихотворение о трамвае. Трамвай получился живой и героический:

**Трамвай сквозь бури и ветра
Везет людей везде, всегда!
Сквозь круговерть невзгод и год
Везет людей он на завод!**

Вечером, обмывая уход на пенсию, Птицын прочитал стихотворение шурина. Тот, отодвинув рюмку в сторону, встал и, глядя в глаза Птицыну, торжественно произнес:

- Александр Сергеевич, ты не Птицын, ты Пушкин!
И добавил:
- Я памятник воздвигну тебе нерукотворный!

Птицын тут же сочинил стих про шурина. Шурин обнял Птицына и крикнул жене:

- Валя, Птицын у нас гений!

Валя, вытирая красные руки о фартук, присела на табуретку. Птицын тут же сочинил торжественную оду про Валю. Валя посмотрела на Птицына особо ласково залоснившимися после рюмки глазами и сказала с придыханием:

- Нет, не зря тебя Александр Сергеевич называли, ай да Птицын, ай да сукин сын!

Выпив третью за неоспоримый талант, шурин спросил:

- А можешь, как Пушкин? Белеет парус одинокий?

Птицын сочинил про парус. Шурин стремглав выскочил из-за стола. Вернулся с соседом из двенадцатой. Сосед носил очки, потому слыл интеллектуалом, хотя работал стропальщиком.

Шурин обратился к Птицыну:

- Зачти про парус!

Птицын прочитал.

Сосед не спеша выпил рюмку, хрустнул огурчиком, хлопнул вторую и, оглядев ерзавших от нетерпения любителей муз, авторитетно заявил:

- Круто, парни! Круче Пушкина!

Вздох облегчения прокатился над столом, водка полилась рекой. Прощаясь, Птицын сказал, что он один выходит на дорогу. Валя утерла уголок фартука слезу.

Возвращался Птицын домой в приподнятом настроении. Жизнь снова обрела смысл. Кремнистый путь к славе блестел. Подойдя к дому, Птицын остановился возле погнутого грузовиком столба. Осмотрев столб, Птицын обнял его и посвятил столбу три сочувственных четверостишия. Потом полчася читал свои экспромты Стрелке, дворовой собачонке. Собачка слушала Птицына, приподняв одно ухо, с почтительным вниманием. Потом заскулила, подняла ногу, обмочила штанину Птицына, и убежала. «Поэта каждый может обидеть», - подумал Птицын.

Утром, встав пораньше, Птицын принялся за устройство своего рабочего кабинета. Не хватало фолиантов. Собрав поваренные книги жены и учебники детей за 3-5 классы, Птицын, рассовав их по полкам, установил у окна старьухонный стол. Тополь за окном приветливо шевелил ветками. «Напутствует», - сообразил Птицын. Кабинет принял законченный вид. Поставив на стол лампу с абажуром, поэт сел творить. Записав в толстую тетрадь стихи про трамвай, парус, столб, собачку Стрелку, шурина, его жену Валю, задумался. В сравнении с многотомными рядами книг классиков, получалось маловато. «Будем работать, - строго подумал Птицын, – работой нас не напугаешь». На обложке Птицын готическим шрифтом вывел: «Том первый».

На следующее утро, надев лучший, в зеленых турецких огурцах, галстук, Птицын, освободив для нетленок от банных принадлежностей старый портфель, отправился в редакцию городской газеты.

Главный редактор, знавший Птицына по статье «Особенности отворачивания трамвайных гасек», прочитав стихи, удивился:

- Ты чего это в поэзию ударился?

- Да вот, снизошло, - скромно улыбнулся Птицын, подняв глаза к потолку.

- Может тебе еще поработать? Блохи про-скаивают.

- Какие еще блохи? – нахмурился Птицын.

- Мы так ошибки и опечатки называем.

- А корректуры у тебя на что? – осведомился Птицын.

Редактор вызвал заведующего отделом культуры и быта.

- Петя, посмотри оды Александра Сергеевича.

Петя, полистав рукопись, поскучнел, сказал «угу» и скорым шагом вышел из кабинета. «Сволочь, не любит работать», - разоблачил Птицын Петю.

Пообещав прийти на следующий день, Птицын поспешил домой - творить. Работы предстояло непочатый край.

Утром, аккуратно сложив листки будущего сборника в папку, с получившим новую должность портфелем Птицын величественно шагнул по светлым улицам городка к славе и почестям.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ (фельетон)

В кабинет «главного» заглянул давешний бездельник Петя.

- А, Никифор Ляпис-Трубецкой пожаловал, – поздоровался с Птицыным Петя и прицелился смыться.

«Со знаменитым поэтом сравнивает», - припомнил Птицын и приосанился.

- Я еще стихи написал, – нарочито скромно произнес Птицын, протягивая пухлую папку. Лицо у Пети осунулось. Он взял папку, зачем-то перевязал тесемки морским узлом.

«Тунейдец, - беззлобно подумал Птицын. - Пожалее еще».

- Стихи у вас хорошие, патриотические, – сказал одумавшийся Петя, – но не наш формат - вам лучше обратиться в заводскую газету.

- У нас в трамвайном парке нет газеты, – буркнул Птицын.

- Тогда обратитесь в «Луч света», это их формат, - вспомнил Петя про конкурентов. – Только настойчивее нужно быть, они это любят.

«Луч света» была газетой бесплатных объявлений с картинками кошечек и полуобнаженных девушек.

Птицын в ярости шагнул по городу. Тот стал неприветливым, пыльным и грязным, кремнистый путь еле поблескивал. «Он даже ничего толком не прочитал! Самое лучшее у меня в папке», - с гневом думал о тунейдце Пете Птицын.

Дома на столе лежала газета ненавистной редакции. В ней стихи. Но не Птицына, а какого-то Северянина. «Северянин этот, не Колька ли с первого подъезда? Сейчас он вроде бы на севере», - подумал Птицын. Прочитав стихи, плюнул. Ничего особенного, даже пошлые. «Де этот Колька-северянин видел синие сонеты? Он, наверное, что такое сонет даже не знает. Сонет – это амфибрахий! А туда же стихи кропать. И где он видел робость у «Газелей»? Наоборот, носятся, как оглашенные. В этой редакции ничего в поэзии не понимают. Колька им заплатил, вот и напечатали». От этой мысли стало спокойнее. «Конечно, не понимают, не дорожили, провинция, бескультурье, мухи кругом. Я ведь в свои стихи такой глубокий смысл зашифровал, где уж им понять».

Душа обрела покой. Птицын с присущим ему трудолюбием и старанием снова начал творить.

Вдохновение душило его, но для счастья чего-то не хватало. Двенадцати толстых томов с золотым теснением на корешках – «ПТИЦЫН. Собрание сочинений», снились ему каждую ночь.

Петя оказался прав, на третьей неделе ежедневного посещения «Луча света» редактор сдался. В праздничном номере, посвященном «Дню города», напечатали стихотворение Птицына: «Улица «Вокзальная».

Через два дня Птицын, окрыленный успехом, сидел в кабинете «главного».

- Я написал стихи про все улицы города, - гордо сказал он и протянул папку.

Редактор помрачнел, но взял себя в руки.

- Знаете, газета для вас, это мелко. Не задуматься ли вам о книге? Сейчас издательства за деньги готовы на что угодно.

- Это мысль! – воскликнул Птицын, и, обняв облегченно вздохнувшего редактора, бросился домой.

Идеей Птицын поделился с Василием Бориславовичем, что жил в доме напротив. Василий - пенсионер и напарник Птицына по домино, идею воспринял горячо. Он выразил желание присоединиться к проекту и издать свои стихи. Бывший начальник участка заправки огнетушителей, Василий, поведал, что раньше баловался стихиками для стенгазеты «Гори, гори – ясно».

На следующее утро Птицын с Василием отправились по указанному редактором адресу. В издательстве встретили радушно, напоили фальшивым кофеом с «деревянными» баранками, похвалили стихи.

- Мы из вас сделаем издательский проект! Вы будете нашими Бушковым и Акуниным в одном стакане! Когда ждать второго тома?

Составили калькуляцию. От нолей у Птицына закружилась голова. Но Василий молча подписал договор, сдав свою тоноусенькую папку редактору. «Погиб поэт, невольник чести. – вспомнил Птицын. – Прав был тезка».

С этого дня Птицын потерял покой. «Василий, конечно, друг, но стихи у него ... и даже рядом не стоят с моими. Но парадокс, скоро Васяка будет держать в руках пахнущую типографской краской книжечку и, даря друзьям, будет подписывать – от автора. А я...»

Новый удар поджидал Птицына в субботний вечер. В кругу собравшихся за домино пенсионеров Василий похвастался, что готовит второй сборник стихов на тему героизма пожарных, и прочитал стих про брандсбой. Брандсбой получился живой, героический:

**Брандсбой сквозь пламя, дым огня,
Людей спасать ведет меня!**

И я дрожу, я сам не свой!

Я прикипел к тебе, Брандсбой!

«Это же про мой трамвай, – осенило Птицына, – плагиатор!» Но ничего не сказал и уныло побрел домой.

Ночь он не спал, думал, где взять деньги. В сущности, было два пути: или занять, или что-нибудь продать. Занять не у кого, единственный кто мог одолжить, Васяка, но он сам занят выпуском сборника. Оставалось что-нибудь продать. В гараже у Птицына жила его ласточка – машина. Цвет серый, с сивым оттенком. Любопытствующим Птицын объяснял: машина у него цвета морской волны в момент прибоя. Машину было жалко. Как он ее лелеял! Ездил в исключительных случаях. В деревню к теще или за урожаем на огород. Каждый выходной приезжал в гараж выкатывая свою ласточку, мыл стекла, протирал досуха, полировал, тщательно выковыривал отверткой камушки, застрявшие в углублениях рисунка протектора. И вот теперь предстояло расставание. Птицын ободрял себя тем, что цель святая, и никакие жертвы не смогут его остановить.

Птицын заглянул к Семенычу. Тот давно предлагал продать ему машину. Сделку заключили «беленькой» и окрыленный Птицын на следующий день полетел в издательство.

Через месяц Птицын грузил в бывшую свою машину тяжелые блоки обернутых в бумагу книг. Прикинув грядущую прибыль от продажи нетленки, Птицын почувствовал себя богатым и знаменитым. «Слава и богатство всегда идут рука об руку», - подумал будущий поэт-миллионер.

Обихав имеющиеся в городе книжные магазины, оставив в каждом по пятьдесят экземпляров («Завтра завезу еще», - обещал директорам знаменитый поэт), Птицын сгрузил с полтысячи оставшихся к себе в кабинет. Сказка начинала сбываться. На самом видном месте, рядом с учебниками и поваренными книгами стояла книжка с выпуклой фамилией ПТИЦЫН на форзаце. Выйдя во двор к играющим в домино соседям, Птицын затеял дарить экземпляры с авторской подписью. Брли дружно, отказников не было, образовалась небольшая очередь. Раздались крики: «Петька здесь не стоял!», «Больше одной в одни руки не давать!».

Это был успех.

Утром, набив багажник машины кубами брошюр, Птицын поехал восполнять поредевшие ряды своих произведений. К изумлению Птицына ни одного экземпляра продано не было. Результат нулевым остался и через неделю, и через месяц. Птицын решил действовать. Под видом покупателя он как бы невзначай советовал немногочисленным любителям поэзии:

- Я бы вам рекомендовал этого автора, - указывая на свою книжку, заговорщицки шептал Птицын.

Любители поэзии, пролистав страницы, подозрительно смотрели на него, воротили нос и, положив книжку на полку, спешили к выходу.

Размышляя над неудачей, Птицын пришел к выводу: виновата обложка. Как известно, реклама - двигатель торговли. Обложка его книги была невзрачной и никого не привлекала.

Отношения с домашними после продажи гаража вместе с машиной окончательно испортились. Пришлось вставить в дверь кабинета замок. Жена кормить Птицына, трагившего пенсию неизвестно на что, категорически отказалась. Но Птицын в творческом запале уже не обращал внимания на такие мелочи. На подходе была третья книга. Выручили китайцы: чайник и разовая лапша «Ролтон», больше Птицыну ничего не надо.

Нужны деньги. Деньги, конечно, будут после реализации, но ждать некогда. Птицын решил продать квартиру. Поживу лето на огороде Семеныча, ему нужен сторож для охраны урожая.

Продажу облегчал отъезд жены к своей маме. Рабочий кабинет перевезли на дачу Семеныча за три рейса. Два рейса ушло на перевозку нереализованных книг. «Теперь я как настоящий писатель в «Переделькино». Здесь никто не мешает, твори, сколько душе угодно», - думал счастливый Птицын. Он творил.

Никто его не отвлекал. Пару раз появлялся Василий и завистливо говорил:

- Вот ты работаешь, а я чего не напишу, все уже было. Или у Пушкина, или у Некрасова.

- Мне легче, я ведь не читатель, а писатель, - гордо объяснял Птицын.

Но однажды монотонное течение работы было нарушено.

К нему завылся сосед шурина и, потрясая брошюрой, торжественно произнес:

- Сейчас мы из тебя гения сделаем покруче Блока и Пастернака! Дуай за литрушкой.

У Птицына было. Он отодвинул бумаги на столе, достал пыльные стаканы, дунул внутрь, и пальцем стал выковыривать сухих мух и ос. Одна из ос оказалась живая. Птицын взвыл, хотел выматериться, но, вспомнив, что он поэт, сдержался.

- Хорошо устроился, как Лев Николаевич в Ясной Поляне, – одобрил после первой сосед. – Что главное в творчестве?

- Что главное в творчестве? – эхом ответил Птицын.

- Главное, расширение сознания, – произнес после второй сосед. – А как его достичь?

- Как? – нетерпеливо спросил Птицын.

Сосед снял очки, протер грязным платком стекла и постучал по брошюре:

- Вот радикальный ответ. Здесь написано как великие классики добивались расширения сознания. Расширил сознание и пиши на здоровье. Отец – Дюма таким образом 300 романов написал.

- Фью-ю-у, - присвистнул Птицын. – Вот это да! Твой отец?

- Кто?

- Дюма.

- Нет, своего сына, тоже Дюма.

- А-а-а, давай рассказывай про расширение, - не разобравшись в родственных связях, заерзал на табурете Птицын...

...Утром Птицын проснулся с больной головой, осмотрел комнатку и, не обнаружив брошюры, попытался вспомнить вчерашний разговор. «Я должен стать круче Шлакоблока и этого, как его там, с фамилией овоща: Топинамбур, Турнепс, не важно, главное круче», – с трудом шевелил мозгами Птицын. Неожиданно наступило просветление:

- Нужно расширение сознания. Способов много, будем пробовать последовательно, - принял решение Птицын. – Так, Бальзак жрал гнилые яблоки. Ну, этого добра здесь навалом, будем жрать.

Найдя большой таз, Птицын отправился к яблоням. Набрав таз самых червивых падалиц разных сортов, (черт его знает, какой сорт предпочитал Бальзак), Птицын приступил к расширению сознания. Вместо расширения образовался понос. Промучившись три дня, Птицын понял – этот способ не для него. «Разные организмы у нас с Бальзаком», - подумал Птицын и приступил к способу Хемингуэя.

А именно: расширить сознание с помощью спиртного. У Птицына было. Он решил действовать кардинально, ударной дозой: закуски минимум – водки максимум. В результате Птицын опять оказался в туалете. На этот раз целый день блевал, мучительно, но скудно. Еще день ушел на восстановление организма. «Да-а, у нас и с Хемингуэем организмы разные», решил Птицын и приступил к новому способу.

Сосед шурина рассказывал, что Франс держал ноги в холодной воде, отчего сосуды сужались и кровь прилиwała к мозгу.

«Вот это научно!» - обрадовался Птицын, и, достав тазик из-под бальзаковских яблок, наполнил его колодезной водой, добавил для верности льда. Вместо расширения образовался насморк и высокая температура. Неделя вычеркнута из творческого процесса. Птицын не сдавался.

Вспомнив, что Гюго вдохновлялся видом моря, Птицын, взяв тетрадку и раскладной стульчик, отправился на местный пруд.

Едва Птицын устроился в тенте на берегу, как к нему подошли двое угрюмого вида мужика и предложили дать им на опохмелку. В результате Птицын обзавелся «фиалкой» под глазом и ободранными коленями, лишившись складного стульчика.

Птицын решил попробовать последнее. Метод Гете был близок духу Птицына. Гете, как рассказал сосед шурина, на склоне лет вдохновлялся присутствием молодых задастых горничных.

Где водятся горничные? Нигде. Птицын отправился в городской парк. Он решил ограничиться парой размалеванных девиц. Они сидели на спинке скамейки и время от времени прикладывались к бутылке пива. Обольститель пригласил на дачу, обещав показать, как творят поэты, добавив, что запасы имеются. Непоседы, на удивление, согласились сразу.

Девицы съели недельный запас продуктов, выпили остатки водки, приклеили на зеркало жвачку. Когда Птицын попытался, как Гете, погладить одной попку, тут же получил оплеуху и свалился со стула. Оскорбленные музы гордо покинули «Ясную Поляну».

Птицын пришел к выводу, что расширение сознания не для него. «Обойдусь!» – рассердился на бальзаков и хемингуэев Птицын. - Главное, труд». «99% труд и 1% таланта - вот что значит гениальность», - вспомнил Птицын и сел трудиться, приложив мокрое полотенце к скуле.

...На деньги, полученные от продажи квартиры, он издал собственное собрание сочинений в 11 томах. До задуманной серии не хватало двенадцатого.

...Осень ржавой листвой покрыла маленький уютный дворик.

В центре двора за столиком сидели пенсионеры, толпились любители и больешишки домино. После мощного удара Семеныча костяшкой по столу и не уступающего по числу децибелов всеобщего вопля «рыба!» Колька-северянин спросил сидевшего рядом Василия:

- Бориславич, а где твой друг Птицын? Давно не видно.

- А ты разве не в курсе? Александр Сергеевич сейчас на излечении в диспансере для душевнобольных. Повязали две недели назад. Торговал своими книгами возле памятника Пушкину. Голого, обернутого мокрой простыней, обнаружил. А ночи-то холодные теперь, дожливые, вот на третью и взяла.

- А какой человек был, стихи писал, – вздохнул Семеныч, собирая домино в коробочку.

Андрей ОВЧИННИКОВ

Израиль

МОРАЛИЗМЫ

- *Столько всего НА душу населения, а что ДЛЯ души?
- *Жадность - имея всё в достатке, стремиться к избытку.
- *В женщине нынче ценят форму, в мужчине - содержание...карманов.
- *С точки зрения владельца «Мерседеса», пешеход рождён ползать.
- *Внешняя скромность внутреннего содержания человека не обеднит.
- *Берущий от жизни больше, чем можно - не особо разборчив.
- *Имеющий всё не остановится.
- *Не одним диабетом мстит «сладкая жизнь».
- *Рассуждение раба: если много пряников,то и кнут стерпеть можно.
- *Спасение ожиревшего в его мозгах, а не в руках диетолога.
- *Имеющий всё лишает себя возможности мечтать.
- *Многие нынче согласны стать объектом зависти окружающих.
- *Большинство современниц скромность украшением не считает.
- *Бедному нечего терять, кроме совести, не давшей ему разбогатеть.
- *Взяточники переведутся, когда поймут, что не в деньгах счастье.
- *Мечта толстяка: худеть, обжираясь.

Илья ГЕРЧИКОВ

СТАРОСТЬ (СОН)

Как сквозь вату слышу:
«Зайди-ка к папе, посмотри, что он там делает».
Медленно, беззвучно открывается дверь и в ореоле яркого дневного света являтся мне златокудрый ангел. Мой сыночек, мой солнечный лучик .
«Папу-у-у-ля».
Я падаю на колени. Он протягивает ко мне руки, обнимает за шею. Теплые, мягкие ладошки замерли на моей спине. Кудряшки щекотят щеку. Под ухом его сладкое дыхание. Шепот: «Папу-у-у-ля, я теб-я-я люблю-у-у».
Прижимаю его к себе. Целую. Бархат. Непередаваемый, не сравнимый ни с чем детский запах - молока, меда, чего-то такого родного и близкого, что дух захватывает от безграничной нежности и любви к этому маленькому, беззащитному существу. Моя радость. Моя кровиночка. В глазах закипают слезы...
«Ефим, проснись! Ефим !»
«Что случилось?»
«Ты плакал во сне. Что-то нехорошее приснилось?»
« Нет, хорошее. Очень хорошее».
Долго лежу, прихожу в себя. У сыночка моего, слава Богу, уж своя кровиночка есть. Отчего же такая тяжесть в груди? Старость.

Юрий ПОДОЛЬСКИЙ

Алекс Одесский

Родился в Одессе в 1962 году и, почти сразу, мы переехали жить в Москву. Прожили там до 1991 года и всей дружной семьей уехали в Израиль. Время было такое. От написания стихов получаю удовольствие и вкладываю душу в их смысл. Писать по высочайшим законам, наверное не мое, а может не пришло время. Кто знает.

Листья,
Темно-серый асфальт,
Кистью,
Разрисован дождем,
Лужи,
На листве пожелтевшей
Капли
Отражают лучи
Солнца,
В них играет, смеясь,
Зайчик,
И испачкался в лужах
Мячик,
Скачет он по листве
Желтой,
Я гляжу на все это.
Светка,
Вспоминаю, как было
В детстве,
Волейбольное поле,
Сетка,
Нежный взгляд, как укол,
В сердце,
А потом поцелуй,
Первый,
Невесомое чувство
Кружит,
А сегодня асфальт серый
И листвы той уж нет, стужа.

Зимнее утро

Шорох снега под ногами,
Вдаль лыжня бежит, вилляя.
Лыжи крупными мазками
Мчатся, версты отмеряя.
Прогибаются деревья
В уважительном поклоне,
И иголки, словно перья,
Машут лыжникам на склоне.
Солнце трогает лучами
На помпонах нитей пряди,
И утыкано флажками
Покрывало снежной глади.

Музыка души

Разложенная нотами в тиши,
Пропитанная радостью и болью
С орнаментом, украшенным любовью,
Загадочная музыка души.
Ничем не подражаемые звуки
Порою ранят, мысли бередя.
Как будто плачет малое дитя,
Капризная в комнате от скуки.
Но вот душа стрелой взмывает ввысь,
Слезу роняя, тронув мельком струны.
И всплеск волны средь солнечной лагуны,
И свист в ушах, и только крик - держись.

Стена

Я не из тех, кто прячется за стены.
Я стены ненавижу всем нутром.
Важны мне, братцы, в жизни перемены,
Идти готов я к цели напролом.
Конкретность действий.
Пусть, порою, жестких,
На отмах, не заглядывая вдаль.
Я против сантиментов мягких, кротких,
В них нет решенья, лишь одна мораль.
Я против стен, их ненавижу сердцем
И не приемлю разумом, ничуть.
Они сжигают остро-горьким перцем
И в чистых водах поднимают муть.

В пламени свечи

Я в пламени свечи свои сжигаю мысли,
Беседую я с ней, как будто ни о чем.
Она их унесет в загадочные выси,
Испепелив дотла мерцающим огнем.
И в восковых слезах мои растают слезы,
И мысли о тебе, и мысли ни о чём.
В расплавленной свече мои исчезнут грёзы,
Сожженные дотла мерцающим огнем.

Быть собой

Я не помню, как попал сюда в первый раз. Это как-то ушло из памяти... Так уходит утренняя роса под лучами восходящего солнца. Помню только, что гуляя по обочинам городка, желая уйти от его суетности и грязи. Уединиться – хотя бы так, на одиноких тропах, пронизывающих околицы города и предлагающих неповторимо уютное одиночество. Я шел, погрузившись в себя. Был один, один в этом мире, сурово хмуращем брови облаков надо мной и покашливающим изредка далекими раскатами грома. Я лелеял свое одиночество. А город был рядом, вокруг; он выгрызал внутрь меня каменными клешнями, желая привести к собственному стандарту, превратить в еще один кусочек мертвого камня, в клетку своего существа. И, хотя порой уже и накатывали полная апатия и желание прекратить сопротивление засасывающе-отупляющему воздействию – я не позволял этому случиться.

Город усыплял постоянным шарканьем подошв людей, куда-то спешащих со слепым взором, шорохом шин авто, где тоже неслись какие-то люди, летящие в тиши салонов, словно в другом мире. Все куда-то спешили, бежали.

А мне было некуда спешить. Мир остановился.

Он остановился давно. Но не медленно, как накатывающий поезд – нет. Мир замер, прекратив внезапно скачку взбешенного жеребца, которого я и не желал обуздывать. Он встал, а я не мог понять – кто победил. Я? Или...? Кто победил в необъявленной войне миров, и когда она началась?

Странный вопрос этот и мучил меня, когда я бродил, не видя окружающего, уходя все дальше и дальше от центра к тихому шепоту кленов и напеву ветра меж ветвей.

Тогда-то она и открылась мне, эта тропа. То ли ветром раздвинуло ветки, то ли взгляд вдруг проник сквозь них рентгеновским лучом, но я увидел дорожку, ведущую куда-то вдаль. И сразу понял, что нехожена она давным-давно. Но, тем не менее – не заросла, словно кто-то заботливо вычищал ее от поросли. Как так могло быть – не знаю. Просто это было так. Я принял это как данность, как ее свойство. Свойство живого существа, ибо она стала для меня живой сущностью... нитью Ариадны, ведущей сквозь заросли обратно к миру. И она вывела меня. Сюда.

Странное это ощущение, быть в городе и вне его одновременно. Я сижу на маленькой площадке в обрамлении густо разросшейся акации, над которой виднеются кроны деревьев, и смотрю на него, Его величество Город – вот он, весь передо мной. Вернее – подо мной. Я попал на господствующую точку, которой никогда и не замечал, бродя по улочкам и бульварам стареющего властителя людей. И вот сижу на старом обветренном валуне, верх которого словно отполирован. Наверное, я не первый здесь. Но я здесь один. Один человек в замкнутом косме. И я счастлив. Знаете, это действительно счастье – быть самим собой вне времени и пространства, не являться его частью, но наблюдать за его жизнью.

Ветер ласкает лицо, охаживая мягким опалом, щекоча, словно дыхание возлюбленной. Я открываюсь ему, всей душой принимая этот миг. И мир входит в меня; тот самый мир, от которого я стремлюсь убежать. Тот, что останавливает некогда, не сбросив, а отказавшись везти дальше. И приходит понимание, что если нет страсти во всаднике, то и скачки не будет... Это успокаивает меня, наконец-то дав умиротворение и спокойствие.

И вот, когда я вхожу в это чистое состояние, появляются они.

Откуда они приходят – не знаю. Они просто возникают в этой точке вселенной в миг моего катарсиса; густки жизни, обладающие ясным видением сути. Шымчато-голубой кот, клочковато-серый пес. Два разных существа, в жизни города являющиеся антиподами бытия, в этом месте несут мне две части общего, сливаясь здесь и для меня в нечто теплое и обволакивающее, облекающее в кокон добра. И я глажу свернувшееся на моих коленях сосредоточие самостоятельности, почесывая за ухом привалившееся к колену средоточие преданности. Я вбираю в себя их уравновешенность, восходя по

Ольга Бурьгина п. Чупа

Морю стало грустно вдруг —
Что такое? Скалы вокруг!
К небесам оно взлетело,
Зашумело, заревело,
И о скалы в геве билось,
Неприступности их - злилось.

Так штормило - сутки, двое,
А затем уже и трое.
Но потом совсем устало,
Прилегло и задремало,
Лишь шептало в полусне:
«Как уютно в скалах мне».

Так морской гнев и каприз
Перешёл на легкий бриз.
Солнце с неба улыбалось,
В водах моря отражаясь,
Скалы так же вокруг стояли,
Сон морской оберегали.

Евгений Филимонов

Родился в 1973 году на севере Томской области, в глухом таежном поселке, откуда затем семья переехала в Томск, где и живу, по сей день. Женат. Дочке Анастасии 6 лет. Пишу с 2009 года - после рождения дочери стал сочинять для нее «на ходу» сказки, в итоге стал писать и в других жанрах. Имеются публикации в газетах и сетевых журналах. Дипломант международного литературного конкурса «Добрая Лира-2010».

лестнице внутри себя – туда, вверх, к самому себе, восседающему далеко в облаках мира, что сейчас подо мной. Но я не спешу. Нет. Не хочу уходить отсюда, от этих дарителей добра, несущих мне жизнь.

Кто они, и почему приходят каждый раз? Хотелось бы знать. Вглядываясь в эти прищуренные глаза, разделенные вертикальными зрачками, я пытаюсь найти там ответ. «Кто вы? Откуда и зачем вы здесь?»... Но ответа не нахожу. Коты не знают вопросов и ответов; они – ходячая загадка, передвигающаяся то вдоль, то поперек нашей жизни. Однако, окунаясь в проводники Марракотовой бездны, я чувствую, как меня одолевает неодолимое спокойствие, ведь мои беды перед лицом этой чернеющей бездны – ничто. И я шепчу ему: «Спасибо, котяра, спасибо тебе».

А глядеть в глаза псу я не могу, нет во мне той уверенности хозяина жизни, с которой мы свысока обращаем взор на верных спутников нашего бытия. Да и не тот это пес, чтоб снести дурацкую фамильярность бездушности, я знаю – он просто уйдет и не вернется, а этот мирок закроется для меня навсегда .

И я просто сижу, поглаживая их, Инь и Янь внезапно открытого мне мира.

Приходя сюда, я думаю – а откроется ли тропа? Будет ли сегодня для меня просвет в зеленой стене? Специально искать его бесполезно. Это я понял, внезапно и неотвратно, еще в первый свой приход сюда, слишком уж все было необычно и нереально, несмотря на растилающийся передо мной город... а, может, именно эта картина и дала мне понимание? Не знаю.

Поэтому каждый раз, уходя, я прощаюсь с этим местом, с моими спутниками – надеюсь в душе, что все повторится. Вот только с каждым уходом во мне растет чувство притяия внешнего мира и тает уверенность, что я смогу вернуться сюда. И даже картина провожающих меня кота и пса не успокаивает. Что-то подсказывает, что я – лишь прохожий в их мире, очередной странник, получающий участие. Раз за разом моя броня одиночки неуклонно превращается в мятый картон под их спокойным взором. Что ж, будь, как будет.

И вот, это случилось сегодня. Я снова пришел сюда, в ставший мне родным уголок безвременья. Снова окупнулся в тишину. Все было, как всегда. Ветер так же шептал о легкости жизни, кот все так же мял мои колени, а пес сидел рядом. Все было как всегда, да. Только потом я услышал – их.

Белые птицы рассекали небо. Разрывали синееще полотно широким клином, оглашая пространство звонко-грустным курлыканьем. И, хотя я не понял, в каком мире они явились мне, я ощутил – они явились за мной. Явились, как напоминание, что существуют извечные вещи, не теряющие ценности даже в остановившемся мире одиночки. Тонкий удаляющийся стон, доносящийся с неба, словно разбудил меня, разбив и без того изветшавшие око-вы одиночества...

И в этот миг кот взглянул в мои глаза, а пес одобрительно рявкнул... и пришло понимание, что это – всё. Мир окончательно вернулся ко мне, а я к миру.

Легкая песня с неба провожала меня в обратный путь к жизни.

Татьяна Дунаф п. Ледмозеро

Верится и не верится...
Что же мне делать с этим?
Может, давай встретимся?
Давай, Новый год встретим
На разных концах города,
Стоя друг к другу спинами?
Гордый, и я гордая...
Улицы жгут витринами
Душу и пьют по капелькам
Сердце, маня на Зареку.
Жаль, мне ребенком маленьким
Не удержать тебя за руку.
Все-таки, может, свидимся,
Хоть на минутку вечером?
И улыбнемся, смиримся
С вызовом неотвеченным.
Праздник не станет сказкою...
Мне как и прежде дышится.
Голос твой хриплый, ласковый
Только во сне услышится.
Мы огоньками светимся
На разных концах провала.
И никогда не встретимся,
Просто не будет повода.

Егор Гашков

18 лет. Живет в г. Москве. Публиковался в сборнике современной духовной поэзии «Отзвуки небес».

**Жизнь идёт в тёмно-синем дыму,
Стынет дней наших молотый кофе.
На какой неизвестной Голгофе
Под насмешками сгину во тьму?**

**В голубом поднебесном желе
Виснет солнца промасленный бубен,
Человек ещё так неразумен,
Чтобы что-то решать на Земле.**

**Человека царапает страх,
Он увидеть в закате боится,
Как волнистая роша дробится,
Захлебнувшись в багровых лучах.**

**Потому в хоре мелочных дел
Все мы в мире - слепые котят
И, толкаясь, спешим всё куда-то,
Не боясь заступить за предел..**

**А пределы - не звонкая новь,
Их мы в ужасе ставили сами,
За какое-то дальнее знамя,
Проливая и слёзы, и кровь.**

**Но и в блеске седых вечеров,
Даже здесь тьму сырую срывая,
Я вскочу на подножку трамвая,
Уходящего в бездну веков.**

* * *

**Я заметил тихой ранью,
Скинув полог чистых снов:
Есть своё очарованье
В царстве синих облаков.**

**Может быть, тот мир неведом,
Незнакома эта высь.
Знаю: под туманным пледом
Ждёт нас всех иная жизнь.**

**Но и там мне красно солнце -
Обручальное кольцо
В знак того, что сын вернётся
На отцовское крыльцо.**

**Но и там мне будет снится
Край родимый, где я рос,
И зелёные ресницы
Мирно дремлющих берёз.**

**Но и там седой постелью
Закачают облака,
Как давно над колыбелью
Мамы нежная рука.**

* * *

**Разливается марево томное,
Словно сумрачный ширится страх,
Я люблю тебя, родина скромная,
С грустным месяцем в жёлтых степях.**

**Не последним чарующим вечером
С этой грустной степною тоской
Мы с рожденья как будто повенчаны,
Словно звёзды с холодной землёй.**

**И в мученьях унылой бессонницы,
Ничего нет на свете милей,
Чем вот эти родные околицы
Под зелёным крылом тополей.**

**Пусть тоскуют молитвенно ивы,
Замечтавшись над тёмным прудом,
Никогда я не буду счастливым,
Разлюбив этот сказочный дом.**

**Оттого-то и счастье мне грезится,
Оттого забывается страх,
Что я сам позолоченным месяцем
Затерялся в душевных степях...**

Дедлайн (ироническая проза)

Ручка усердно выскребала бумагу. Ширк-ширк-ширк!
«Не то», — лист за листом безжалостно отправлялся в последний путь, в корзину. Заканчивался еще один день, а дело не сдвинулось с мертвой точки. Времени оставалось в обрез: вот-вот окончание приема работ на престижный литературный конкурс.

Ширк-ширк-ширк!
«Гуси, вереща, как ненормальные, мчались домой, внутренним мозгом почуяв аромат отечества...»

«Нет, не так!»
Хрусть! Фью! Очередной бумажный комок улетел в угол, отскочил от кучи уже накиданного туда за день мусора и приземлился посреди комнаты.

«Гусиная стая, махая крылами, летела уже давно. Каждый гусь подумывал, как бы уже поскорее прибыть на родину...»

Хрусть! Фью! В центре комнаты начала образовываться горка.

«Ну, что за напасть! — хозяин ручки, Ираклий Звездундизе, яростно вдавил в мощный череп и без того сросшиеся на переносице кустистые брови. — Пожалуй»,... — он приподнялся над креслом.

— Ключа, дорогой! — раздался нежный голос жены из кухни. — Иди поешь.

И тут Ираклий понял, почему не может работать: комната была буквально пропитана невыносимо вкусным запахом котлет. Вот ведь досада, а он-то себя измучил обвинениями в бесталанности.

— Врагиня! — насупившись, Ключа протиснулся в кухню и грозно навис над любимой женщиной. — Как ты могла со мной такое сотворить? — Зашипел он.

— Что-о-о... — схлопнулись в щелочку глаза супруги.

Ненаглядной жены внезапно стало больше, а увесистая сковорода ритмично заотбивала «шлеп-шлеп» по ее мозолистой руке. Ираклий вспотел. Он мгновенно оценил высочайшую степень риска и метнулся за последним листочком в кабинет.

— Сейчас, дорогая, я вот что покажу! — покосился Ключа в сторону плиты, удостоверившись, что ему есть за что пострадать: целая кастрюля домашних котлет явно вырисовывалась на фоне кафеля. — Слушай! — И Ираклий, картинно выпятив грудь и оттопырив мизинчик, приступил к декламации.

Гуси летели, летели, летели без конца и края в едином порыве. Они «вымахивали остатки усталости со всего измученного телца», «выкрикивали победные гимны», «оттягивали нитеобразные шеи в попытке быстрее добраться до родного гнезда». В чтецком экстазе Ключа не заметил, что жена отложила сковороду и, тихонько поинюхая, смахивает одну слезу за другой. Когда он закончил: «И все они решительно упали в свой дорогой

Укрдыч и последняя капля

- Бабушка, смотри-ка. Вот тебе луна. Бабушка, тут же на столе, раскатывает тесто для печеня.

Круглая булочка плывет, покачивая боками, над тарелкой.

- Чудо какое. Луна садится мне на язык. Э-э-э-э.

Рот открывается широко. Половина булочки откусывается.

- И стал месяц. А тут - крошки сыплются в тарелку с картофельным пюре и кусочками мяса, - тут звезды. Звездопад.

Бабушка уже раскатала тесто и теперь вырезает формочкой жизнерадостные сердечки.

Уже почти вся булка скрошена в тарелку.

- Сильный такой звездопад. А на болоте, - картофельное пюре посредством ложки начинает вращаться, - все волнуется. Туман поднимается.

Ложка с пюре едет вверх, и шмоть пюре плюхается в тарелку.

Бабушка глядит укоризненно.

Потом стучит формочкой о край стола.

- Если ты не прекратишь баловаться с едой и не станешь есть, как следует, будет тебе УКРДЫЧ!

Ложка с пюре настороженно отправляется в рот.

- Укрдыч? Земляные кочки, - мясо катается по тарелке туда-сюда, - они тоже двигаются. А у него зубы?

- Нет.

- У него рога?

- Нет.

Пюре как-то потихоньку, за размышлением, съедается.

Однако мясо продолжает скитаться.

- Болотные кочки, они несъедобные.

- Он тут. Просто смотрит на тебя. Вот хотя бы как это тесто.

Почти все жизнерадостные сердечки уже вырезаны.

Елена Шмыгина

Писатель, художник-иллюстратор, издатель. Вице-президент Международного союза литераторов и журналистов «APIA WORLD». Региональный директор «Israeli-Russian Art Society». Обладатель ряда званий и наград международных конкурсов литературы и графики.

пруд, оря от радости», — и гордо взглянул на супругу, та стояла, закрыв лицо передником, тихо всхлипывала и шептала: «Гений! Ты просто гений!»

Открыленный Ключа немедленно затребовал себе полную тарелку котлет без гарнира. Зачем разбавлять макаронами мясо? Он ведь мужик! «Гениальный, причем, — раздраженно фыркнула Муза. — Ешь уже, не тяни!»

Через пять минут, окончив сытную трапезу и сочно рыгнув в смысле «спасибо!», Ираклий уже мельтешил пальцами по бумаге.

Ширк-ширк-ширк!

Текст рассказа буквально выплескивался из него! И вот уже гуси дружно прилетели и приземлились куда надо, прямоком на свое родное озеро, уместившись в положенные пятнадцать тысяч конкурсных знаков. Остался небольшой запас, который Ираклий решил обязательно использовать. Как вот только? Он закатил было глаза в предчувствии неизбежной творческой муки, но тут Муза лениво поскребла нежным пальчиком по лысине самородка, и Ираклий последний раз ширкнул ручкой, вставляя бессмертные строки в самый конец рассказа:

Гуси подлетели,
Скрипнула сосна,
Булькнули капели,
Началась весна!

Он подписал работу, бережно сложил листок вчетверо, запечатал в конверт и убежал на почту отправлять рукопись.

Довольная Муза погладила свой плотно набитый животик, мысленно хлопнула Ключу по плечу и, не дожидаясь его возвращения с почтамта, залегла спать. А завтра... Завтра нужно будет продиктовать Ираклию еще один рассказ и проследить, чтобы он успел отправить его на следующий конкурс.

Дедлайн, однако!

- Просто тут, и все. И ничего такого — ни хвоста, ни усов.

Потихоньку, одно за другим, мяско, украшенное крошками, исчезает.

- Молоко точно не буду.

- Правильно. Укрдыч тоже молоко не пьет.

- А что он пьет?

Очень тихо за столом.

Все абсолютно до одного возможные сердечки вырезаны. Остался бесформенный, обкусанный пласт цвета кожи, который, если

смотреть с разных сторон, может вообще быть чем угодно. Или казаться.

- Он пьет пот.

- Пот?

- Пот. Ты смотришь на него — он на тебя.

И по тебе течет пот. Угадай, почему?

- Страшно.

Бабушка удовлетворенно кивает, складывая сердечки на лист.

И sospaет корейей.

- А потом он слизывает пот с тебя своим БОЛЬШИМ ШЕРШАВЫМ языком.

Булочка незаметно съедается тоже.

Молоко пьется, но как-то вяло.

Бабушка косится.

- А победить его как?

- Победить его только одним способом.

- Каким?

- Последней каплей молока.

Сердечки лежат на листе, готовые запечься.

Значит, если все вырезать, получается Укрдыч — бесформенное, остаточное, непонятное.

Брррр.

- Самую-самую последнюю каплю со дна чашки нужно брызнуть на него.

Бабушка отворачивается, чтобы поставить лист в духовку.

- Брызнуть и улыбнуться. От твоей улыбки он и растает. Да, и не забыть сказать «спасибо!» Это такое волшебное слово, как тебе известно, - сварливо бормочет бабушка, настраивая температуру.

Молоко из чашки немедленно выплескивается на остаток теста. Стены в молоке, стол в молоке, бабушка в молоке, пол, все.

Долго все молчат.

Слава богу, Укрдыча за молоком почти не видно.

Рассадин Николай

Творю под псевдонимом - Николай Юрьевич. Родился в г. Москва. Последние пять лет живу в г. Псков.

Кроме стихов пишу литературно-поэтические пародии, песни.

Изборск. Словенские ключи

**Вот они - Словенские ключи.
Серебром дарованного чуда,
Я невзгоды всякий раз лечил,
Возвращаясь к ним из ниоткуда.**

**После, уезжая в никуда,
Вспоминал серебряные струи...
Скажите: “Вода и есть вода!”
Не спешите вывод делать всеу.**

**По крутой тропе спуститесь к ним,
Оставляя крепость за плечами.
Чайка крикнет: “Тот судьбой
храним,
Кто умыт Словенскими ключами!”**

Ушедшему от нас Савелию Ямшикову

**Ты дышишь воздухом чужим.
В чужих озёрах моешь руки...**

**А здесь цветные витражи
Церквей, печальные от разлуки.
Здесь голоса колокола,
Здесь плачут восковые свечи...**

**Наверно, в жизни есть дела,
Которые, взвалив на плечи,
Унёс с собой в далёкий быт,
Оставив им тоску и слёзы...**

**И смотрит храм, дождём умыт,
Вдаль, сквозь уснувшие берёзы.**

- Если капля ему навредит, то чашка точно доканает. Спасибо. Я все съела.

И улыбка.

Кто бы ни улыбался, когда вокруг столько

молока?

Бабушка, например.

- Пойду, поиграю теперь.

Бабушка стоит, расставив руки.

Вытирает лоб.

- А в таких случаях, - кричит она вдогонку,

- Укрдыч достает из папиного шкафа ремень.

Длинный, коричневый ремень. Юркую кожаную змейку, - ворчит бабушка, вытирая стол, - с блестящей железной головкой. И язычком.

Рассказ понравился. Расставила красным

нужные запятые.

Два предложения соединила вместе, поставив между ними запятую Все абсолютно

до одного возможные сердечки вырезаны. Остался бесформенный, обкусанный пласт

цвета кожи, который, если посмотреть с разных

сторон, может вообще быть чем угодно.

Сердечное

Три раза в день я делаю вот что: беру чашку (на ней нарисован кораблик), наливаю

теплой воды и капаю 25 капель сердечного.

- Мое здоровье!

Пьется легко.

Спит крепко.

Тут я решила с кем-нибудь чокнуться.

Чего я в одиночку-то пью? Думаю. С кем бы мне выпить моего сердечного?

Афористично, однако.

Чашка вторая с корабликом у меня есть.

Думаю. Да, они все разное принимают — кофе, пиво, от печени, от головы. Так чтобы

в унисон...

Открыла книжку. Саша Черный.

«Впереди всех шел лаборант по физике,

размахивая аршином чайной колбасы».

Во — самое оно.

Капнула ему на страничку.

- Твое здоровье, Саша. Мазл твоей семье.

На том сердце и успокоилось.

Татья САПРЫКИНА

г. НОВОСИБИРСК